

НИНА ЗИМИНА

СИНЕОКАЯ КНЯГИНЯ

ИЗБРАННОЕ

часть третья

2017

Нина Зимина

СИНЕОКАЯ
КНЯГИНЯ

Избранное

2017

Глава VI

ЗАЙЧИК СОЛНЕЧНЫЙ НА ЛАДОНИ

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА ГОДА»

Время перелистывает святцы
С легкостью растратчика...

A stylized, handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Александр' (Alexander).

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна – души смятение,
Слезы хрусталь и радость,
Надежда и сомнение,
Влюбленность, как награда.

А лето – мера зрелости
И сладости, и смелости,
И горечи, и гордости,
И неподдельной твердости.

Вот осень – звень с осадками,
И золото, и пепел,
Оскомина от сладкого,
Но день, как прежде, светел.

Зима грозит морозами,
Серьезными курьезами.
Огонь же в печке ярится, –
И нам ли время стариться?

1. БЕРЕЗКА В МАЙСКОЙ РУБАШОНКЕ

* * *

Зима еще натягивает вожжи
И бьет кнутом по солнечным глазам.
А солнцу нипочем. И сад вдруг ожил,
Синицы бойко скачут по ветвям.

Грачи на прочность пробуют березу –
Веселый дом для будущих грачат.
Капель-флейгистка вопреки морозам
Выводит песню на счастливый лад.

Свой грозный нрав в апрельском хороводе
Зима смиряет, опускает кнут,
И праздник Благовещенья приходит,
И солнце льнет к озябшему окну.

Лик Девы Пресвятой в лучах весенних,
Мир обретает благодать спасенья.

МАРТОВСКАЯ СКАЗКА

Март пришел голубоглазый,
Щедрый нынче на проказы,
Снежный вылепил цветок –
К лепесточку лепесток –
Прямо к небушку подбросил,
Где Метелица живет,
Звезды в свой подол кладет,
Своенравна и капризна,
Оглядела сверху, снизу

К лепесточку лепесток,
Не понравился цветок.
Мартовский подарок смяла
И по ветру разбросала.
Закружились лепестки –
Не видать кругом ни зги,
Вверх ногами белый свет.
К солнышку дороги нет.
Март сначала растерялся.
Спотыкнулся, но поднялся
И помчался в новый день
В снежной шляпе набекрень,
Вылепил цветок другой,
С серединкой золотой,
Будто радугой расцвеченный,
И понес Весне навстречу.

7 марта

ВЕСНА

Капли – горячие слезы,
Одна за одной.
Зима еще в тяжбе серьезной
С капризной весной.

Уступками юную дразнит,
В посулах – обман.
И видится солнечный праздник
Сквозь снег и туман.

Слабеют и ахнут морозы,
Свой гоноу уняв.
Зимы отступающей слезы
На радость звенят.

* * *

Капель! Капель! Хрустальной чистоты
Весенний звон, веселый и счастливый.
И ты несешь с проталинок цветы
На радость мне одной, другим – на диво.

Весной в окошке солнечный рассвет –
Не то, что зимний, зябкий, торопливый.
Твоя улыбка, ласковый привет
На радость мне одной, другим – на диво.

Любовь, весна – святые острова
Сил жизненных, как паводок, бурливых.
И кружится от счастья голова!
И как цветы, – признания слова
На радость мне одной, другим – на диво.

УТРЕННИЙ ЭТЮД

Утро пишет светлые картины,
Обряжая в золото рассвет.
Прилетает птичка на рябину
И хлопочет в молодой листве,
И поет, как будто правит миром,
Славя солнце и веселый май,
И свою вселенскую квартиру,
И Уральский незабвенный край,
Что от зимней спячки встрепенулся.
Он – земли Российской ветеран
Радуется всем, кто вновь вернулся
В отчий дом из самых теплых стран.

МАРТ

Посланец живительных, добрых ветров,
Дней летних рачитель по сути,
Вступающий в царство лежалых снегов
По третьей стезе солнцепутья,
Где Овен – приказчик Весны, чудодей,
Не помнящий козней вчерашних,
Вставляет в ушко чаровницы своей
Сережку с сердечком из яшмы.

Лукава Весна, но и в меру строга,
По веткам томящейся вербы
Спускается наземь, и тают снега,
Где шаг отпечатался первый –
Наслуды, разливы, восторженный гам
Пернатых, не знающих юга.
И падает солнце к веселым ногам
Идущих по новому кругу.

* * *

Март шурит солнечно глаза,
Шагнув из снежного пространства.
Капель – счастливая слеза.
Прощай, мороза окаянство.

Подарок солнцу – смех ветвей,
Разбуженных весенним ветром.
Взволнованное птичье ретро
Еще новей, еще звончей.

* * *

Вот уже и половина марта.
Синеокий первенец весны
Катит солнце, словно мяч, азартно,
Ожиданьем наполняя сны.

Скоро-скоро паводок апрельский
Хлынет на дороги, и поля
Обнажатся.
И запахнет прелью
В перелесках талая земля.

Трогательно вскинется подснежник –
Удивленье, жизни торжество.
И ростки пробьются сквозь валежник,
Чтоб потом заполыхать листвою.

В свой черед всему приходит смена.
За весною – лето в три версты.
...А тебе хотелось непременно
И снега чтоб были,
И цветы.

* * *

Не стерт малахитовый глянec
С высокой горы.
Меж трав земляничный румянец
Лукаво горит.
С надеждой в венoк заплетаю
Ромашек волну.
Во сне, как и прежде, летаю
В свою золотую весну.

МАРТОВСКИЙ ЭТЮД

Мартовские песни с подголоском.
Вьюга обтрепала рукава,
Ходит в снежных реденьких обносках,
Где мороз вчерашний ликовал.

Ветер ей подсвистывает тихо,
С хрипотцой, – сказались сквозняки.
В снег весна – искусная ткачиха
Солнечные заплела цветки.

Вновь синички рассыпают трели
По стеклу воспрянувших окон,
Открывая форточку апрелю
С четырех проснувшихся сторон.

* * *

Время перелистывает святцы
С легкостью растратчика.
Поклянись со мной не расставаться
До прилета ласточек.

У порога распушится верба
К зорям Благовещенья.
На кресте сегодняшняя вера
В свет любви завещанной.

Подари мне, но без сожаленья
Клятву во спасение.
Скоро День Святого Воскресенья,
Ласточек кружение.

Солнышко растопит все запруды
В сердце – Божьем семени.
Лишь, как прежде, поцелуй Иуды
На челе у времени.

ВЕСЕННЯЯ КАДРИЛЬ

Шутка

Март – молодчик, ухарь, волокита,
Круто выгнув солнечную бровь,
Расфорсился! Рыжий чуб завитый,
Сапожок, капелями подбитый,
Самый раз фасон – крутить любовь.

А зима, оставшаяся в девках,
Растеряв последний гонор свой,
Еще пляшет и поет припевки,
По ночам его целует крепко,
А к утру он ладит путь к другой.

Нежное создание, Ясноглазка
Молодых отчаянных кровей.
Март ее подманивает лаской,
Лучезарной лентой-опояской
Вяжет ее руку со своей.

Ох, уж этот вертопрах-повеса.
Да и Ясноглазка знает толк:
Плутовски разыгрывает пьесу,
С ним поет дуэтом. С поднебесья
Льется солнца радостный поток.

По снегам, пронизанным ручьями,
Ускользнула вдаль потом одна.
И грачи восторженно кричали!
Свет-Апрель на золотом причале.
Жарко с ним милуется Весна.

Но к другому взгляд уже стремится,
Страстным нетерпением лучась:
У того камзол позолотистой,
Изумруд с лазоревкой в петлице,
Имя звонче – Май-цветочный князь.

* * *

Еще тревожны заячьи следы
На снежном одеялице убогом.
А по следам подснежник – синь воды –
Уже помчался к солнцу босоного.
Не замерзай, прошу, не замерзай,
Когда зима вдруг припугнет метелью.
Грачи к тебе на помощь прилетели.
Урал в апреле не сулит им рай.
Подснежник и грачи. И талая вода.
Как радостно и ненадежно жутко.
Когда с весной бывает мне попутно,
Я возвращаюсь в молодость всегда,
Гадаю на проталинке мечты
И обмираю: любит иль не любит?
Надежду сеет солнце с высоты,
И грач несет подснежник в черном клюве.

* * *

Зайчик солнечный на ладони –
Небожитель с земной пропиской.
Утомился он от погони
Холодов и ветров. Мне близко
Его нежное трепетанье
И надежда на теплый отклик.
Жизнь сурово меняет грани:
То привет, то суровый окрик,
То простор, то глухие стены –
Не пробить ни лбом, ни тараном.
Рядом с преданностью – измена,
Солнце ясное за туманом.
Одинокое окаянство
Средь толпы – ходоков за счастьем.

Еще царствует самозванство,
Еще правят шальные страсти.
А душа, словно отрок сирий,
Ищет крова, устав от битвы
За свое представленье в мире,
Во спасенье творит молитву.
И ей хочется покачаться
На ладонях любви ответной...
Может, теплой весна удастся,
Может, ласковым выйдет лето.

* * *

Березка в майской рубашонке,
Подобно взбалмошной девчонке,
Полощет кудри на заре, –
В них ночью ветер руки грел.
Куда же скрылся он, крылатый?
Что ж, за доверчивость – расплата:
Стой одиноко на горе.
Он возвратится в сентябре,
Чтоб золотом твоим обжечься,
Глядеть в глаза – не наглядеться.
Не склонишь гордую главу –
Сорвет, как платье, листву.

ДЕНЬ ТРОИЦЫ СВЯТОЙ

Заплетает венки весна –
Первоцвет к первоцвету.
Изумрудная даль полна
Соловьиного света.

И черемухи томной печаль
Превращается в радость,
Словно ангельская свеча
Польхает над садом.

Майских птиц голосистый строй
На всех наших дорогах.
Это Троицы день святой,
Благодать нам от Бога.

2. ВЫШЛО ЛЕТЕЧКО ПО КРУГУ

Я ВИЖУ СТЕПЬ

Я вижу степь закатную и в ней
Под сводом пламенеющего неба
Горячих, незанузанных коней,
Бегущих за багряным солнцем следом.
Цветут свободно гривы на ветру,
Степной закат ложится под копыта.
Настигнет ночь коней, а поутру
Их оседлают ловкие джигиты
И повернут назад, в предгорный край,
Где ждут парней лукавые девчата...
Я вижу степь, когда поет курай,
Коней, летящих в полосе заката.

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Тополиный пух и ветерок.
Улетает время, улетает.
Старые истории меж строк
Мы со знаньем опыта читаем.

Новые – пушинки на ветру.
Весело, восторженно и смело
Радость подчиняется перу,
Бьется сердце жарко, ошалело.

А когда рассеется восторг,
Сразу спроецируются тени,
И закопошатся между строк
Черненькие червячки сомнений.

Право, что увлекала вверх,
Обернется трусоватой ложью.
Тополиный пух – мой детский смех,
Отвергавший первых взлетов сложность.

* * *

Ветер июньский, шальный
Разбился о гладь речную,
Где солнце с утра купало
Коней златогривых. Струи
Играли, пели, ласкались,
Под жарких коней стелились...
Радость – такая малость,
Не надо больших усилий,
Чтоб растворить, рассеять,
Разбить – только брызги к небу,
А на прибрежном свете
Рисунки замажет небыль.

Тучи собрались в стаю,
Зловещую, грозовую.
Милый, мораль простая:
Я к ветру тебя ревную.
Ветер, в любви свободный,
Росу на ресницах сушит.
Ласковый и холодный,
Он молодит мне душу.
И ты в дружбе с диким ветром
С высот своих над обрывом,
Срываясь, летишь по свету
Свободно, легко, игриво.
В порывах горячий, шальный,
Наткнешься на твердь земную –
И сникнешь. Не раз бывало.
Заря золотым поцелуем
Разбудит тебя. И снова
Душа твоя в путь готова.

БЕЛОРЕЦКОЕ ЛЕТО

Сарафан – зеленый пламень.
Кружевное полотно.
Незабудки под ногами
Да ромашки под одно.

По лазоревому лугу
Да по ягодным местам
Вышло летечко по кругу
В даль петровского поста.

На челе венки из лилий,
Ленты – радуга вразлет.
Вышло в радости и силе! –
Принимай, честной народ.

Огнецветом пали росы,
Солнце высветлило тень,
Где еще не пели косы
Звень-позвень в веселый день.

Соловьиные рулады –
Песнь любовная захлеб.
На зеленую эстраду
Настоящих звезд налет.

Певчий дрозд свои романсы
Дарит лету от души,
Тут овсяночки нюансы
Неги радостной в тиши.

Звонкой иволги частушки
Перебил дергач-горлан,
А под сладкий плач кукушки
Дятел лупит в барабан.

Ходит лето, молодится, –
На губах – душистый мед, –
Ясным солнышком глядится
В зеркала прогретых вод.

Силой доброй полнит колос,
Правит днем земля сама.
Ей поклоняешься в пояс –
И заполнишь закрома.

И варенье, и соленья –
Лето все сготовит впрок,
А пока в кустах сирени
Ищет пятый лепесток.

* * *

Разнотравье. Разноцветье.
Знойной грудью дышит поле.
В легкой золотой карете
Катит лето по раздолью.

Солнце жаркими шагами
Мерит небо до заката.
Под зелеными шатрами –
Мир веселый, мир крылатый.

И над полем в поднебесье
Страстно до самозабвенья
Жаворонок звонкой песней
Славит свет благословенный,

Славит радость в дальнем громе,
Тихий дождь при солнце с неба.
Лето держит на ладони
Колос будущего хлеба.

* * *

Небо тяготится бесконечностью
И мечтает тайно о границе,
Чтобы облака – мешки заплечные
Уронить в луга и насладиться
Травами медовыми и благостью
Родника, болтливого до срока.
Коротки земные наши радости.
Небо смотрит золотистым оком
В шумный муравейник человечества.
Средь вселенной голубой поляны...
Ну а мы печалимся о вечности
И о тех, кто мир оставил рано.

ПОЛЕВОЙ БУКЕТ

Пахнет клевер утренней зарей,
Аромат у солнца, у ромашки,
Ветерок, что разгоняет зной,
Ласково закрался в нежность кашки.
У душистой таволги листва,
Словно родниковая прохлада.
Колокольчик средь полей устал,
Отзвенел, теперь в букете рядом
Пьяно щурит поднебесный глаз
И смеется в ушко медуницы,
Незабудки в свой заветный час
Устремили к вечности границы.

ЗНОЙ

Сосны вокруг – янтари на крови,
Словно пожар полуденный.
Птахи щебечут от самой зари
И разгоняют дух сонный.
В дебрях ветвей золотистую марь
Ветер совсем не тревожит,
Плавится смолка – огнистый янтарь
И прожигает сосновую кожу,
И растекается сгустком лучей.
Чудо лесного дурмана –
Дух животворный России моей,
Пластырь целебный на раны.
Я уплываю на мшистом ковре
В царство пожара лесного.
И очищаюсь, меж сосен сгорев,
И воскресаю – быть снова.

АВГУСТ

Густой туман на тропах росных,
Ведущих к дремлющей реке,
Звонкоголосье на покосах,
И плач кукушки вдалеке.
Она испьет росы холодной,
Застудит горло до весны,
Чтоб не считать чужие годы
И не пугать младые сны.
По отцветающему ситцу
Гуляет свежий ветерок.
Коней игривых в колесницу
Уже запряг Илья-пророк.
На гребне золотого часа
Утихнет жаркая страда.
Стезей орехового Спаса
Сойдут на землю холода.

* * *

В малахитовой акварели
Белоречье – наш край родной.
И веселые птичьи трели
Будоражат лесной покой.
Над полями небо высокое.
Речка Белая – светлоокая
У подножья Уральских гор,
Как жемчужное ожерелье,
Украшает лугов простор.

БЕЛЫЕ РОСЫ

По тропкам августа легко уходит лето,
Обрызгав росами свой сарафан нарядный.
Восходит солнце, как всегда парадно.
И превращает росы в самоцветы.
Алмазов россыпи и серебра, и злата,
А бриллианты! – хоть гребни лопатой.

* * *

Закралась желтизна уже в листву,
Как тайна, вырывается наружу,
И тучка остужает высоту,
Как женщина, назойливого мужа.

Веселый шмель кружился над цветком
И целовал его в восторге сладком,
А нынче оказался вверх брюшком
И судорожно вскинул к небу лапки.

Умом понятно, сердце же в тоске.
И наша жизнь на тонком волоске.

А воробьи спуют – любви певцы,
Хоть далеко от классики их пенье,
И встали на крыло уже птенцы –
Дня завтрашнего поколенья.

Август 2009 г.

* * *

Мне хочется собраться и уехать,
Уехать от ненужной суеты,
От треволнений, от плохого смеха,
Сжечь в памяти к ушедшему мосты.

Мне хочется пожить в безлюдном месте
Одной, вдали от городских дорог,
В лесной избушке с тишиною вместе,
Слетающей, как птица, на порог.

Я б просыпалась с утренней зарею,
Когда лучи румянят небосвод,
А солнце, златолобое, большое,
Из-за горы свой начинает ход.

Я уходила б в лес за земляникой
С лукошком из хрустящей бересты
И, научившись звонко эхо кликать,
Вела б с ним разговор до темноты.

По вещим предсказаниям кукушки
Там прожила бы сотни тысяч дней,
Когда б не заболела в той избушке
Желаньем быть опять среди людей.

* * *

Плачет август тихими слезами.
Праздник отшумел, отликовал,
И ветра, взметнувшись, предсказали
Холода.
Прощай, веселый бал
Луговых цветов.
С зарею ранней

В росных травах путается тень.
До чего же коротко свиданье
С летней благодатью.
На плетень
Грустно свесил голову подсолнух
В венчике редящих кудрей.
Облака, утратив невесомость,
Чертят по макушкам тополей.
Дух медовый в яблоках созревших.
Дух цветочный источает мед.
На Успенье стороною здешней
Лето до черты своей идет.

НОВЫЙ СОНЕТ

Что ты, август, плачешь обо мне
И разводишь ржавчину на сердце?
Черный ангел золотую дверцу
В мир надежд оставил на замке.

По грехам – заблудшей деве мука,
По стихам – восторженность крыла.
Есть в пределах замкнутого круга
Место покаянного угла.

Боль моя греховная простится.
На восходе солнечном приснится
Белый ангел с ключиком в руке
В мир, где свет струится по строке.

О любви последняя страница –
На последнем жизненном витке.

* * *

Я будто бы дворяночка из лета
Жеманно опускаю жаркий взор,
Когда сентябрь в злаченых эполетах
Прищелкнет каблуком и звоном шпор
Округу задремавшую разбудит.
Какая статья! Изысканность манер!
Мне молодильный плод на ярком блюде
Подарит этот щедрый кавалер.
В нем – токи солнца и медовый запах,
В нем – свежесть ветра, приворот лесной.
Я надкушу сегодня, а назавтра
Помолодею телом и душой.

3. ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ ПОХОЖЕ НА СОН

* * *

Бесконечность дождевых полос
По стеклу захлопнутого лета.
Утихает зарево берез,
В промежутках – серый холод света.

В воздухе живые язычки
Еще кружат грустно и тревожно.
Потухая с благостью свечи.
Опывая под ноги проходим.

Отряхает лето красоту.
Будет час – и я, как лист со древа,
Упаду навеки в пустоту.
Помолись же, Пресвятая Дева,
За меня!

Сними с души грехи!
Очищенье – крепость совершенства.
Но оставь, как есть, мои стихи,
В них любовь – и мука, и блаженство.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Как живешь в своем высоком тереме?
Тысяча ступеней в твой чертог!
Кольцами сигарный дым над временем.
Свет от лампы тих и одинок.

На плите кряхтит ворчливый чайник.
Ждешь ли ту, которая – мечта,
Или ту, которая отчаянно
Тянет к тебе руки и уста?

Отвергая, не кляни, что проклято,
Не молись на ту, которой рад.
Небо из осенних вздохов соткано,
Предвещает грустный звездопад.

Сколько звезд на счастье вновь потеряно.
На душе и грустно, и темно.
Лишь одна еще дрожит над теремом,
А сорвется – разобьет окно.

ВРЕМЯ ЗАТИШЬЯ ЗЕМНОГО

Осеннее время похоже на сон,
На недосказанность вечных творений.
Солнышко катит года под уклон
По траектории тихих сомнений:
Вечно ли небо над шаром земным?
Есть ли в пределах иных Всемогуций?
Кто в этом мире гоним, кто любим?
Что называем мы хлебом насущным?
Все ли в угоду идет живота?
Иль запредельность диктует условия
Светлой молитвы, чтоб жизнь-суета
Сделала выдох последний с любовью?
Грех наш – паденье с высот бытия,
А благодать – покаяния слово.
Низким поклоном приветствую я
Чудное время затишья земного.

РЫЖАЯ ЛИСА

Осень – рыжая лиса
Рыщет по задворкам,
Забирается в леса
И румянит горки.

Машет огненным хвостом,
Обжигая травы.
Золотым горят костром
Рощи и дубравы.

На ветру огонь-краса
Плещется устало.
Осень – рыжая лиса
Бродит по Уралу.

Любовь проснется,
 ростки распустит
Сквозь дождь осенний
 и навесь грусти.
Сентябрь – разлучник
 с зеленым летом,
Настрой веселый
 оставь поэтам, –
Пусть сеют слово
 по доброй пашне.
Пустое сердце,
 как лист опавший.
Но даже в прахе
 сокрыты дрожжи.
Весна таится
 под белой кожей
Снегов сыпучих,
 морозов синих,
Весна надежды,
 весна России.

ЗНАК ПРИРОДЫ

Россиянка я, осенянка –
Дочь осенних загадочных дней,
Когда зори, взметнувшись подранком,
Заплетаются в крик журавлей.
Боль потери – косяк журавлиный.
Горек взмах на прощанье рукой.
Наливаются кровью дробины
На рябинах, – расстрелян покой.
Солнце правит еще златолаво,
Но и в нем предрешенность конца.

Поникают в подпалинах травы
На лугах, не дождавшись косца.
Листья, словно несбывшийся пламень,
Утихают на мокрой земле.
Обреченность, как брошенный камень,
Метит окна души, осмелев, –
Заполняет пробоины стужа.
Осень – время обломанных крыл.
Вязнут, тонут в серебряных лужах
Облака, выбиваясь из сил.
В красках грусти осенней – законы
Моего бытия! – это так.
Осень. Осень. Сплошные уруны,
Но и зернами полненный злак.

* * *

Незванная осень шарфом из заката
Стянула последние теплые дни.
Душа протестует и рвется крылато
Туда, где остались грибные дожди,

Где солнечный ветер рассеивал грозы
И в щеки меня целовала судьба,
Я стихотворенье рождала из прозы,
Любила, смеясь, и смеялась, любя.

Я мысли купала в рассветных туманах
И силу брала у июньской зари,
Короткая ночь мне ссыпала обманно
Со звездных дорожек святые дары.

Но с вечных вершин снова холодом тянет.
Сама я – как осень с весенним лицом.
И стих мой любовный с веселым названьем
Стал тихую прозой с печальным концом.

* * *

Пламя осени стихло.
Пеплом
Ветер небо усеял.
Прорастает ромашкой блеклой
Солнце утреннее несмело.

На веселых птичьих базарах
Раскупили последние трели.
Мне на счастье досталось даром
То, что птицы спеть не успели.

Сердце просит протяжности слога,
Откровения и молитвы.
Если песня моя от Бога,
Ни к чему ей лихие ритмы.

Преклоню я главу покорно
И возрадуюсь испытаньям.
Плат судьбы, что казался черным,
Станет белым мне одеяньем.

Помоги, Пресвятая Дева,
По дороге идти осенней
Не направо и не налево,
А под благость Господней сени.

О, как сладки грехи земные
И как тяжело их искупленье.
А любовь в небеса иные
Так и тянет меня с коленей.

Там луна никогда не блекла,
Упадая на ложе страсти.
Я извела это пекло,
Я еще в его дикой власти.

И молю, чтоб дожди и ветер
Превратили огонь мой в пепел.
Пресвятая Дева, ответь мне,
Где тот свет, что нам глаз не слепит?

Белым снегом дай убелиться
И взлететь над собой, бескрылой.
Я спою, что не спели птицы,
Покидая мой край унылый...

* * *

Цветут закаты – добрая примета,
И птицы не торопятся на юг.
Ты обещал, сентябрь, вернуть мне лето
И в солнечном убранстве давний луг.

Пусть там свое отпели косари,
Цветы и травы обращая в сено.
Есть у сентябрьской ветреной поры
Соблазн стремлений к новым переменам.

Снопы по кромке старого жнивья,
В них боль и радость я в одно вязала,
Из бесшабашных песен соловья
Крала в стихи счастливое начало.

Накал душевных сил уже истлел.
Не воскресить огня чужою трелью.
Сентябрь – брусничник, в восковой листве
Упрячь моих ошибок ожерелье.

Ты обещал мне радость тихих дней,
Но плещется рябиновое пламя
Опять напротив горницы моей...
Ужель заманит в лето и обманет
Меня рябиновое пламя?!

ЭТЮД

Пала осень – слякотное время.
Безысходным даль напоена.
Я ж хочу, чтоб в мой остывший терем
Вновь вошла хозяйкою весна,
Заиграли солнечные блики
На оконном вымытом стекле,
И букет ромашек с повиликой
Рассмеялся в звонком хрустале.
Я хочу не много и не мало:
Светлых песен, ласки и тепла,
Чтоб звезда любви с небес упала
И в огне своем меня сожгла.
Добрая идиллия... Да жалко –
За окошком нудный дождь и стынь,
Даль метут холодные пожары,
В прошлое сжигаются мосты.
Отпылало то, что сердцу мило,
Отшумела радость впопыхах.
Кружат листья в воздухе остылом:
Золото – сегодня, завтра – прах.

* * *

Луга осенние печальные.
Отпыхало. Отцвело.
Подбитой птицей поле дальнее
Поджало черное крыло.
А дождь дробинками вонзается
В сплошную твердь сухой земли.
Молчит природа, очищается
Пред наступлением зимы.

* * *

Осень на задворках,
Солнце на закорках
Еще тащит прежнее тепло,
Но холодный ветер
Насадил на вертел
Будто золотое помело.
Листья опадают,
Кружатся и тают
В воздухе прозрачно-голубом.
Ах, зачем со свистом
Ты мне душу чистишь,
Ветер, этим самым помелом.
Я хочу, чтоб лето,
Вопреки приметам,
Заплетало жаркие венки.
Яблочком румяным
По стезе багряной
Катятся остатние деньки.
Пусто и тревожно, –
Аж мороз по коже.
Ох уж, этот ветер-сатана.
Разметал – развеял
То, что сам посеял
Вешним днем у моего окна.
Искорка на раме
Превращалась в пламя.
До чего кружилась голова!
В одинокий вечер
Я затеплю свечи:
Слава Богу, я еще жива.

ЭЛЕГИЯ

Вновь октябрь. Облетает листва,
Поистерлись румяные краски,
Как улыбки на детских безгрешных устах,
От обид отцвели, поугасли.

Отрешенье. Залетная грусть –
Расставанье с надеждой – быть вечно.
Старых веток до боли отчаянный христ –
Нож садовника яр и беспечен.

Эй, садовник! Постой, не спеши!
Сухостою дано возродиться.
Снова будет весна – праздник доброй души,
Праздник солнца в холодной светлице.

Но, хрипуче взывая, выводит пила
Песню смерти – глух сердцем старатель.
За спиной у Амура в колчане стрела –
Дремлет славный божок на закате.

И уже не листва – пепел прожитых дней.
Воскрешение празднуют тени.
В перекрестье искусственных желтых огней
Небу молится грешница, встав на колени.

Это я. Тихо каюсь пред небом в одном:
Много дней золотых прожила бесполезно.
А пила все хрипит и хрипит под окном,
Проступают холодные слезы на срезах...

* * *

Уходит мой поезд в последнюю осень,
Оставив багаж на перроне забвенья.
А сердце? А сердце по-прежнему просит
Вернуться назад, в сладкий день воскресенья.
Там мамин пирог на столешнице белой,
За окнами пламень от алого стяга.
Я пела безоблачно – словно летела,
А кто-то слова заносил на бумагу.
Под праздничным солнцем повыцвели буквы,
Осталась мелодия в памяти зыбкой,
Тревожит, когда на березках набухнут
Веселые почки. Разбудят улыбку.
А сердце? А сердце по-прежнему просит
Отринуть забвенья, вернуть то, что было.
Пусть поезд в последнюю осень уносит, –
Есть в осени жизни сокрытая сила.

ОКТЯБРЬ

Вновь осень веселой жар-птицей
Слетела с небес порезвиться,
Огнистые перья вокруг разбросала –
И все сразу тихим огнем запылало.
Кусты под окошком, как свечек пучки.
Береза златые свои пяточки
Бросает под ноги проходим.
Октябрь, небывало погожий,
Украсил созвездьем рубинов
Калиновый куст и рябину.
И клен в одеянье осеннем своем,
Как будто охвачен закатным огнем.
Мой город в багряно-шуршащем наряде
На праздничном нынче параде.

* * *

Ноябрь подкрался, будто серый волк,
И рыщет среди кустов, нагих и жалких,
Где шепоток листвы опавшей смолк,
Свезенный хмурым дворником на свалку.
И небо тоже – будто серый волк.
Но с самым добрым солнечным оскалом.
День съежился в отчаянный рывок
В тот мир, где воздух холодком сковало
И где затих живительный огонь...
А я хочу под теплую ладонь.

НА ХОЛОДНЫХ ВЕТРАХ

Изнеможет душа
на холодных ветрах.
Их судьба моя держит
в суровых руках,
Выпускает тогда,
когда радость в мой дом
Входит доброй хозяйкой
и властвует в нем.

Отголосок весны –
смех мой звонкий, чумной,
И любовь – благодать,
рай желанный, земной,
Слог наивен и весел,
и стих открыт,
Пока дремлет судьба
у счастливых окон,

Но очнется –
и вихрем раскрутит беду.
Я – как сломленный куст
на холодном ветру,
Ни любви, ни привета –
все прахом пошло.
Путь в мой завтрашний день
не видать,
за-ме-ло.

Я поставлю икону –
Спасителя Лик:
Очи –
будто прогретый на солнце родник...
Утоплю горький взгляд...
О, блаженный покой!
Помолчу...
Помолюсь...
И воспряну душой.

ОСЕНЬ ВРЕМЕНИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Разнепогодилось на небе,
Земля – разбитый в бурю плот,
И смутных дней круговорот,
И в каждом сердце страха трепет,
Но веря в солнечный восход,
Россия плачет и поет.

На гребне праздничной удачи
В лихое время – лиходей.
Безвольный скромно ждет подачек.
Безвинный взгляд стыдливо прячет.
Россия молится и плачет
О тех, кто Богу не радел.

Так испокон веков ведется –
Добра и зла круговорот,
Страх Божий только за живот.
Но, веря в радостный черед,
Россия плачет и смеется,
Россия пляшет и поет.

4. ТЫ ВПУСТИ МЕНЯ, ЗИМА, В БЕРЕНДЕЕВЫ ХОРОМЫ

* * *

Первый снег – это свет ниоткуда.
И в полете счастливом душа
Устремляется к небу, где чудо
Белых хлопьев кружится, шурша.
Так и хочется в них раствориться,
Сбросить тяжесть земных грешных пут.
Первый снег... Словно белые птицы
Очищенье и святость несут.

ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ 08 г.

Декабрь спустился с неба налегке,
Забыв совсем о снежных крыльях,
И держит в трепетной руке
Узду коней из давних былей,
Гривастых, белых, без кнута
Летящих по земным просторам, –
И осветлялась в дни поста
Душа России в эту пору...
Пусти ж, декабрь, своих коней
По первопутку зимних дней!

ПО КРУГУ

Вновь зима. Сплошное белоснежье.
Ветры, загулявшие в горах.
Горы, уходящие в безбрежье
Седины небесной.
Тут вчера
На игривых и веселых санках,
Не боясь сугробов, крутизны,
Мы летели, чуть земли касаясь,
До своей загадочной весны.
Первоцвет любви, что куст сирени,
Источал счастливый аромат.
Молодость, не знавшая сомнений,
Первый свой выхаживала сад.
Череда зимы, весны и лета.
Осень завершит круговорот.
И другая молодость в ответ нам,
Хохоча, промчится у ворот.
Санки взрежут наст.
В счастливом вихре
Заискрится снег.
И поворот
К новым веснам, что в любви да в мире,
Обозначит в полночь Новый год.

ЭТЮД

Вот и пала зима
на утихшую землю.
Тихо всхлипнул листок,
задержавшийся чудом в ветвях.
Всхлип завяз в тишине.
Небо серое дремлет,
Как старик на печи –
серебристая морось в бровях.

Древность вышла на круг,
миротворно рукою
Утишает в страстях
догорающий нынешний век.
Время сбавило ход,
наслаждаясь покоем.
Безмятежность в снегах.
И душа зарывается в снег.

ИНЕЙ

Туман открыто целовал
Озябшие деревья,
Дыханием отогревал
Березок недоверье.

И обольщенье, и соблазн
В дозволенных пределах.
Заморский жемчуг и алмаз
На царском платье белом.

Таинственная тишина
Торжественного утра
Кудесниками соткана
Из нитей перламутра.

Тронь невзначай – и полетят
Серебряные звоны.
И подомнет девичий плат
Венчальная корона.

Мир свадьбы – сказочный разгул,
Любовь тут неусыпна.
Вдруг ветер завистью дохнул
И жемчуга рассыпал.

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Игорю Калугину

Метелица в парчовом одеянье,
Подбитым по подолу серебром,
Небесной тропкой вышла на свиданье
С молодчиком – веселым Декабрем.

И закружились, и запели снега,
С утра до ночи празднуя свой час.
Лес был вчера взъерошенным и пегим,
Вдруг обрядился – не отымешь глаз.

От белизны и весело, и жутко.
Засыпан хлопьями осенний след,
Ты радостно идешь по первопутку,
Как только что родившийся на свет.

Идешь, и не закладывает уши
Синтетика квартирной тишины.
Здесь на лебяжьих ласковых подушках
Блаженствуют зимы молодые сны.

Снег придорожный отливает синью
И чистотой. Ее не затемнить.
И верится, что нет конца России,
Она не только в сказках будет жить.

* * *

Декабрьское утро в осколках звезд,
Луна, как босая блудница,
Покорно готова в рождественский пост
Покаяться и помолиться.

Возьми меня в спутницы, дева-луна.
Где тропка к нетленному свету?
Я в давних потемках блуждаю одна,
Ищу бестолково приметы.

Одна моя песня, любовь и добро,
К холодным сердцам снисхожденье.
В рождественский пост и снегов серебро –
Для грешной души очищенье.

* * *

Аукаю солнышко в дебрях зимы.
В ответ лишь веселое братство
Чирикает мне из серебряной мглы,
Сугробы вспухают лобасто.
Укуталось небо в овчинный тулуп
И смежило веки сурово,
Как злобный старик, что отчаянно глуп,
Не чувствует доброго слова.
Мы все – его слепки, замки на ушах:
И слушаем боль да не слышим.
Болячками телепрограммы кишат,
Антенны чернеют на крышах.
Зима в каждом сердце – метелит, пуржит,
Растет ледяная короста.
Любить в этом мире, открыто дружить
Не-про-сто.
Аукаю солнышко в дебрях зимы, –
Лучи заскользили босые
По снежным окошкам, где прячемся мы
От жгучих морозов России.
Аукаю солнышко...

* * *

Зимний лес – владенья Берендея.
Под парчой искристой ели млеют.
Елки, как снегурочки, стоят.
Тройка мчится. Бубенцы звенят.
Снег из-под копыт летит и вьется,
Иль сама метелица смеется.

Где-то среди снегов – высокий терем,
Без огня в светелке, хмур и темен.
Одиноко там Любовь живет
И дружка единственного ждет.
У ворот тесовых нет замка.
Бубенцы слышны издалека.

Не дружи, Метелица, с Бураном,
Не грози под Новый год обманом.
Тройка мчится, бубенцы звенят,
И не снег кружится – звездопад.
Вот он, самый главный поворот,
Терем, где Любовь живет и ждет.

Новый год вступает во владенья
Сказочного царства Берендея,
Где нет слез, разлуки и утрат,
И не снег кружит, а звездопад,
И одна среди звезд определенно
Упадает под ноги влюбленным.

ПЕРЕПРАВА

Вздымая снег с полей и горных троп,
Метель к порогу намела сугроб.
А мне бы – к солнцу, в луговые травы,
К костру радушных дачных вечеров.
Где отыскать такую переправу,
Чтоб от зимы – да в майский хмель садов?

Чтоб от беды – да на счастливый берег,
В надежное благополучье дней,
От ссоры – к миру, от безверья – к вере,
В отзывчивую искренность людей,
Не мучимых тщетой мишурной славы,
От зла – к порогу света и добра?..
Не родились пока что мастера,
Чтоб выстроить мне чудо-переправу.
Метет метель, куражится с утра.

* * *

Ты вступи меня, зима,
В берендеевы хоромы,
Там хрустальные снега
И серебряные звоны.

Там жемчужные ковры
Ткет метелица под утро,
А сугробы – как шатры
С переливом перламутра.

Подари мне белый плат,
Чтоб пушиночка к пушинке,
По краям – нездешний сад,
Россыпь звезд – по серединке.

Золотятся янтари,
Где безоблачная вечность,
И слетают снегири
На морозное крылечко.

Берендей – счастливый царь
Сыплет корм из рукавицы.
Чисто, радостно, как встарь...
И пусть радость длится, длится.

ЗИМНЯЯ ШУТКА

День веселый. Белоснежье.
Подари мне, милый, нежность.
Видишь, как заботливо Мороз
Обнял тонкую рябину,
Легкий белый плат накинул,
Приколол к нему букет жемчужных роз.

А вокруг нее подружки
В хороводе белом кружат,
И ажур на сарафанах в серебре.
И разнежились березы,
Словно белые мимозы
Расцвели по всей округе в декабре.

Поднебесное безбрежье
Искупалось в белоснежье,
Даже Солнце сшило белое манто.
Подари мне, милый, нежность.
А не то...
Рассержусь. Чем я рискую? –
Пусть Мороз меня целует.

Декабрь 2007 г.

ПОД НОВЫЙ ГОД

Подставь ладонь, Россия, звездам,
В предновогодие тебе
Я нагадаю в час морозный
Счастливых теплых дней в судьбе.
Полям – дождя и солнца вволю,
Лесам – прохладу, птичий гам,
Лугам – веселое раздолье

С пчелиным гудом по цветам,
Прозрачных вод – спокойным рекам,
А небу – доброй синевы.
Чтоб человек был человеком
В высоком звании Главы
Всего земного процветанья.
Чтобы раздор, вражда, как тень,
Растаяли с зарею ранней,
Определяя новый день.
Чтоб каждый год был хлебосольным,
А труд – желанным и благим.
Чтоб стороны Российской доля
Была на зависть всем другим.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

Владимиру Бритнеру

Рождественское яблочко на блюде,
Как солнышко сквозь новогодний снег.
К земному счастью можно прикоснуться.
К небесному прорвется только смех,
Как эхо благодати изначальной,
Когда любовь не ведала креста,
Не замыкала уголком печальным
Молитвенно счастливые уста.
Мы все вкусили грешное, земное,
Испили зелье из нечистых чаш.
Но яблочко на блюде, как святое, –
Подарок Ваш.
Свет от него и радость не избыть,
И хочется не съесть, а надкусить.

* * *

В день Рождества мне хочется начать
Живую песню.
Под грозным небом теплится свеча –
Любовь, воскресни,
Соедини, возрадуй! – тем спаси
В житейском мраке
Потерянных, пропавших на Руси,
Увечных в драке
За место и за святость на Земле,
За волю главных...
Живем да сгинем в изначальной мгле
Потом на равных.
Святись, Любовь, над пропастью земной,
Соединяя
Добро и страсть, венчая под звездой
Истоки рая.

ЯНВАРСКАЯ МЕТЕЛИЦА

Закрyla в небо ставенки
До утренней звезды,
В пушистых белых валенках
Запутала следы
Веселая, куражная
Метелица-юла,
Жемчужной легкой пряжею
Деревья обвила.

Бежит в шубейке беленькой
С каемкой голубой,
Снег серебристым веником
Взметает над собой,

Вздувая к небу кольцами, –
До небушка труба,
Как будто банька топится
У самого пруда.

Попарить бы в ней душеньку
Да снегом отбелить,
Поверить в долю лучшую,
В ладу с собою жить,
Любить, покуда верится
В земную благодать.
Метелица! Метелица!
Парку бы – ох! – поддать!
Душа чтоб взмыла голубем
Над болью, над бедой
Да искупалась в проруби
В Крещенский день святой.

* * *

Снег, будто колкий смех, –
За шиворот, до дрожи.
Я на виду живу у всех
Прохожих непохожих.
Я ухожу душою в снег,
Холодный и колючий.
О, мой горячий человек,
Меня собой не мучай.
Я заклинаю: твой огонь
Пусть сгинет в снежной смуте.
Свет льется из чужих окон
Сквозь снеговые прутья.
Дай Бог, коль там веселье, лад,
Приют любви надежный.

Я выбираю снегопад
На полосе дорожной.
И пусть кто судит, кто клянет,
Кто скромно восхваляет.
Снег зиму долгую идет,
А по весне растает.
Пущу я в бучу талых вод
Надежд своих кораблик:
Авось до лета доплывет.
Авось... Коль не ослабнет.
А из прохожих, может, кто
Укажет путь корочке,
А может, вышвырнет из вод
И сапогом растопчет.

ЯНВАРСКИЕ ПРИЧУДЫ

Богатырь Вьюговей, борода в серебре,
Белопенная шуба, распахнуты полы,
Разгулялся хмельно в голубом январе,
Разбуянился вволю.
А месяц осколком
На папахе его чуть мерцает во мгле.
Пляска снега по кругу.
О, русская удаль!
Не тебе пропадать и скорбеть в кабале.
Вьюговей щедр на разного рода причуды:
Поваляется всласть у березок в ногах.
Обцелует макушки, укутает в блестящие,
А холеные ели утопит в снегах.
Белый кнут, вздыбив к небу,
прищелкнет им хлестко
И прогонит метели водить хоровод
Вдоль притихших домов,
петь хозяйкам колядки,

Перепутает тропки, следы заметет
Бесшабашных гуляк,
 нарядившихся в святки.
Пусть тогда окна сонно таращат глаза,
Потеряв заплутавшихся
 в снежном смятенье.
Вьюговей в январе, как и в мае гроза, –
Наказанье – одним, а другим – очищенье.
О, грехи наши тяжкие в ярости дней!
Мы у неба безмолвного ищем привета.
Разгулялся на славу седой Вьюговей
По январской России – шестой части света.

ФЕВРАЛЬ

Развязался третий узелок
Зимних грез, куражливых метелей.
Под веселый воробьиный скок
Прозвенели первые капли.

А на небе солнышко сквозь хмарь
Протирает заспанные очи.
Кланяется солнышку февраль,
О весеннем празднике хлопочет.

Но еще на берегу зимы
С дедушкой морозом водит дружбу
И в пылу метельной кутерьмы
Дышит хладом, нагоняет стужу,

Крутит снеги – не видать следа.
Пышятся сугробы у околиц.
Но слышны уже сквозь холода
Масленицы звонкой колокольца.

* * *

На прощанье матушка-зима
Белым рукавом взмахнула рьяно,
Выпустила погулять бураны,
Побуянить, поплутать впотьмах,
Закружить кого-то в космах снега
Да сугробы вздыбить напоследок.

Что же ты прогневалась на нас,
Матушка-зима, наслав такое:
То по-бабьи в трубах вьюга воеет,
То метель, как девка, рвется в пляс,
Словно бесы дунули на ладан.
Может, мы живем не так, как надо.

20 февраля 2008 г.

Глава VII

КОГДА ЦВЕТУТ КУПАВКИ

*ИЗ ЦИКЛА
«ЛУГОВЫЕ ЦВЕТЫ»*

Иван-да-марья – судьба любовная.
Иван-да-марья – единство кровное.
Гляжу-завидую: два цвета разные
Стоят в обнимочку
и счастье празднуют...

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Васильев' (Vasiliev) written in a cursive style.

СТАРИЧОК-ЛЕСОВИЧОК

*«Лесовик, лесной дух» –
из словаря Владимира Даля*

Старичок-лесовичок
с бородой зеленой,
Весь в заплатках армячок,
росами крапленный,
Изумрудинка в глазах
светится лукаво,
Лапоточки на ногах –
ходит, ставит травы.
То припустится бегом,
разгоняя дрёму,
Обдувает ветерком
буйный цвет черемух,
Студит жаркие ключи,
моет ноги ивам –
Лета доброго зачин
правит хлопотливо.
Старичок-лесовичок
сразу одурманит,
Если кто-то на часок
в майский лес заглянет.
Полюбить заставит он
каждую травинку,
Но запутает при том
из лесу тропинку.

ХМЕЛЬ

Неба яркие акварели
Притуманил дождь скоротечный,
Завились бубенчики хмеля
В золотистый кудрявый венчик
На челе тонкоствольной березки,
Бойко выступившей из леса.
Сарафан ее белый в полоску
Обцеловывает повеса,
Обвиваясь вокруг картинно,
Набираясь у солнца силы.
Подставляет надежно спину
Ему щедрый на свет Ярило.
От Ярилы – земля в цветенье,
От Ярилы – дождь над лугами,
От Ярилы порой осенней
Будет Русь моя с пирогами.

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Еще играет половодье,
Студеный ветер колобродит,
А на угреве у реки
Уже мелькают огоньки,
Как будто солнечные брызги
На хрупком стебелёчке жизни.

Поют заботливые пчёлки –
Сладкоголосые весёлки –
И обцеловывают цвет,
Что ранним солнышком прогреет.
Весна разборчиво идет,
Где мать-и-мачеха цветёт.

Листочков нежные мохнатки,
Как будто теплые заплатки –
На талый сарафан земли,
Гудят веселые шмели,
Пророчат лету плодородье
И во саду, и в огороде.

* * *

Сон-трава от майской ночи,
Звезды млеют – не доспели,
Тонкий месяц темень точит,
Лунь-дорожку в небе стелет
И спускает до земли,
Чтобы утром расцвели
Колокольцы-серебрянки –
Красоты земной невянки.

Звон-трава от темной ночи.
Если росы вымерзают,
Насылают ведьмы порчу.
И старается Косая
Душу света извести.
На её встают пути
Колокольцы-серебрянки –
Красоты людской невянки.

Синь-трава от лунной ночи –
Если зори еще дремлют,
Если душу страх щекочет,
Ты войди в лесную землю,
Отыщи цветок невянку,
Колоколец-серебрянку,
Принеси к утру домой
Талисман любви земной,
К зорям утренним причастье –
Сон-траву себе на счастье.

МЕДУНИЦА

Колдунья-медуница
от утренней зари
Наш отчий дом Российский
от бед заговори!
Твой колокольчик алый –
чтоб радость не пропала,
В глазах у россиянок
лучилась круглый год.
Твой первенец лиловый –
чтобы под общим кровом
День начинался новый
и продолжался род.
Твой колокольчик синий –
чтоб сыновья России
Являли разум, силу
и для страны оплот.
Колдунья-медуница
от утренней зари,
Наш общий дом Российский
к добру приговори!

ЛАНДЫШ

Сонет

Таинственный цветок — жемчужина лесная,
Вобравшая в себя дыханье майских дней.
Что от тебя возьму я для души своей?

То ль чистоту, что светом наполняет
Укромный уголок в тени густых ветвей,
То ль стойкость, вопреки всем заморозкам мая?

То ль нежности волну, что, наплывая,
Волнует и теснит, чем больше, тем нежней,
Весеннею порою заревой?

О, ландыш, чудодей лесной,
Я влюблена в твою изысканную строгость
И филигрань жемчужных лепестков.

Не от тебя ль пошла витиеватость слога
На летописном свитке всех веков?

«ШАПОЧКА-СДУНЬ-ПЛЕШКА»

Народное название одуванчика

Одуванчики вдоль и вширь
На зеленых дорогах лета
В дымке солнечного рассвета
Раскрывают глаза на мир,
Удивленно, по-детски просто
Наблюдают за суетой,
В круговерти жизни людской –
Раздорожье и перекрестки,
Безысходные тупики,
Свет от солнышка законный,
Но и там, в уголке укромном,
Распускает весна цветки.
Одуванчик – цветок простой,
Придорожный и бедолажный,
То, как мы, – рыжекудр отважно,
То – уже с седой головой.
Отцветает любовь во снах, –

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ

Кукушкины слезки – на птичьей горе,
Где росы душистые зреют.
Кукушкины слезки – на вешней поре,
Российские орхидеи.

В них радость – от солнца,
покой – от земли,
От синего неба – грустинка,
Хрустально прозрачен
июньский налив
Медовой росинки-слезинки.

И если тебе дни разлуку сулят, –
Что дорого сердцу – разбито, –
Кукушкины слезки очистят, простят,
Сок в стеблях – любовный напиток.

КУВШИНКИ

Звезда к звезде – краса,
Как будто смотрят из реки
На быстрине луки
Русалочки глаза.
И манят удальца приплыть,
Достать одну звезду,
Красой его заморозить
И потянуть ко дну.
Глядят «русалочки глаза»
При солнышке на свет,
И если тучи и гроза –
Закроются в момент.
Вот так и я, пока ты здесь,
Как солнце, надо мной,
Смеюсь,

Шучу, мой друг, с судьбой,
Пока ты есть...
А если грозы заплетут
Разлуку в серость дней,
Я, как кувшинка, утону
И затаюсь на дне
Всех этих дней.

НА УСПЕНЬЕ

На Успенье нарви мне полыни, –
Может, добрая сила меня не покинет,
Злые духи судьбу обойдут стороной,
А от веток повеет в доме стариной.

Помню, дед поджигал три былины
И с молитвой окуривал собственный двор,
Чтобы хворь не коснулась скотины,
На припасы в доме не позарился вор.

Дружба, если с горчинкой, надежней намного,
И любовь со слезинкой сильней душу жжет.
Кустик горькой полыни укажет дорогу,
Где бы счастье возделало свой огород.

Те заветы сильны и поныне.
На Успенье нарви мне полыни.
Я повешу душистый пучок у дверей,
Чтоб в разлуке с тобой тосковалось сильней.

* * *

По косогору Иван-чай –
Малиновое зарево,
На небе солнца каравай –
Давай, июль, заваривай
Покрепче, в чашки разливай
Напиток этот дедовский,
Медовый дух.
Веселый край
С российским чудо-вереском.
А жизнь, как испокон веков, –
Телега не в ту сторону,
В упряжке с парой рысаков
По паре черных воронов.
В день завтрашний, как прежде путь
Сквозь радугу над пропастью,
И не свернуть, не обогнуть
Вороньи крылья – лопасти.
А перемолото всего –
Не слыхано, не видано.
А сколько жизней полегло...
Хлебнули щедро лиха мы.
Но чья-то добрая рука
Тех рысаков недюжинных
Ведет над пропастью века
От завтрака до ужина.
А по обрыву Иван-чай –
Малиновые россыпи.
Так и живет российский край
На росстани.

ПЛАКУН-ТРАВА

Заговор

Плакун-трава – всем цветам голова.
Вознеси стрелу прямо к небушку,
Изведи беду до последышка,
Нарядилась она девкой-высочкой
В дорогие шелка, а не в ситчичек,
Ходит-бродит дорогами разными,
Травит чистую душу соблазнами,
Топит в омуте пьянства тихого,
Губит в пламени блюда дикого,
Осыпает одних щедро тыщами,
А других, как встарь, держит нищими,
Чтоб опять вернуть дни вчерашние
И поднять народ врукопашную.
Русь крутили не раз вихри адовы –
Сколь головушек с плеч попадало...
Плакун-трава – всем цветам голова,
Ты не лей слезу в дни ненастные,
Разверни цветком солнце красное,
Чтобы Русь моя приосанилась,
Даль счастливая растуманилась,
Чтоб в лугах цвели травы росные
И вилась пчела медоносная,
А хлеба в полях были тучные,
Чтобы жизнь лилась песней звучною,
Повенчались бы сила с правдою,
Возвели на трон сына braveго –
Чтоб любовь к земле величальная
Шла дорогою изначальнойю.
Плакун-трава,
Ты – цветам голова!
Укрепи-утверди все мои слова!

ЕГОРЬЕВО КОПЬЕ

Ссыхается последнее жнивье,
Земля пустая собралась на отдых.
И лишь одно Егорьево копье,
Как золотое, под остывшим сводом.

Конь с белой гривой – это облака,
У всадника копье – ветров быстрее.
О, если бы Егория рука
Насквозь прошила нынешнего змея.

Обвило Русь чудовище, ползет
Сквозь время вверх, – и множится проказа.
И самый сладкий – искушенья плод,
А самый горький – протрезвевший разум.

Так и грешим, не каемся, пока
Не грянет гром над мнимой благодатью:
Гривастые утонут облака
В распадке туч, подобных черной рати.

В ненастный воздух заплетется страх,
И мы, как растревоженные осы,
Все ждем, в каких окажется руках
Копье Егория Победоносца.

Под поле битвы угодит жнивье.
Издохнет змей.
В любви воскреснут души.
...Пока ж цветет Егорьево копье,
Иль попросту – цветет медвежье ушко.

КОГДА ЦВЕТУТ КУПАВКИ

*«День св. Аграфены –
начало купанья, время купавок».*

Владимир Даль

Аграфена-купальница –
Очи – небо июньское,
Щеки – солнышко знойное,
Косы – звень-ручейки.
В баньке пар – чисто облачко.
А березовый веничек,
Разогнав дрему зимнюю,
В жилах кровь молодит.
А из баньки – тропиночка
По зеленой муравушке
К речке, солнцем разбуженной.
Брызги.

Плеск.

Жаркий смех.

Молодухи ядреные,
Парни – отроду бравые,
Аграфена-купальница
Дарит им злато-цвет,
Солнце розочкой свернуто.
Где ни ступит купальница –
Там купавки кудрявятся,
Выстилают ей путь.
В речке облачко нежится,
Солнцекрылой лебедушкой
Аграфена-купальница
Вдоль по лету идет.

* * *

Подорожник в своих ладонях
Держит тайну самой земли...
Отскакали гривастые кони,
Небылицы времен унесли.

Но остались жестокие были –
Зори падали в синь-бурьян,
На перинах дорожной пыли
Задыхались мужи от ран.

Смерть гуляла на поле брани.
Поперек ее всех дорог
Шла Надежда и в светлой длани
Листьев сочных несла пучок.

Врачевали тем чудо-соком
Раны, будто живой водой,
Подорожник хранит истоки
Животворной силы земной.

Обитает он старожилом,
Чудодеем в моих краях.
Свет от солнца – в его прожилках,
Воля к жизни – в его корнях.

ЭТЮД

В тумане августовских вечеров
Вплетают в тишь стреноженные кони
Позвякиванье ботал.
У костров
Покосники пьют чай с душицей.
Тонет
Их разговор о нынешнем бытье
В реке неспешной вечности.
И вроде,
Как сотню лет назад, – и люди те,
И звезды так же падают,
И сводит
С ума любовь к обжитым берегам...
Течет – струится Вечности река.

* * *

Заплети мне венок из ромашек
С незабудками в ряд.
Солнце в небе крыльями машет
Там, где птицы парят.
Путь один у солнца – на запад,
В золотой звездопад.
У ромашек солнечный запах
И смеющийся взгляд
Глаз, скатившихся с поднебесья
На земной изумрудный плат.
Я оставлю грустные песни
И пойду в венке на закат,
В небывало цветущий сад.

Август

ВАСИЛЬКИ В СЕНТЯБРЕ

Коле

Васильки в сентябре,
Будто пригоршня звезд,
Оброненных случайно
В хрустальную вазу
Прямо с низкого неба,
Там тешился дрозд,
Не клевавший багряной рябины
Ни разу.
А рябины рубины
Горят на ветру.
Не срывай их в охапку –
Пусть пламенеют.
Подари васильки, –
Я проснусь поутру,
А они на столе
Тихо звездами рдеют.
Васильки в сентябре,
Когда все отцвело,
Приклонилось к земле
И не радуется боле,
В их сплошной синеве
Затаилось тепло
Рук твоих,
Что срывали их с краешка поля.
Ну, а если случится
Осенняя хлябь
В наших чувствах,
Хочу одного я мятежно:
Не пустела б душа,
Как пустеют поля,
Васильками
Пусть поздними
Плещет в ней нежность.

Глава VIII

СОНЕТЫ

Ангелы ликуют: «Аллилуйя!»
И тепло и радостно глазам.
Я тянусь глазами к небесам...

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name 'Аллах' (Allah) written in a cursive style.

ВО СЛАВУ БОЖИЮ

Венок сонетов

1.

Голубь с голубицей на просторе
Кружатся влюбленно и легко.
Два начала испокон веков
Заложил Господь в быль всех историй.

Голубь с голубицей. А в дозоре
Ястреб по-над ними высоко.
Два начала – Вечности росток
В древе жизни на земном угорье.

Беспредельна радостная даль.
У любви восторженные крылья,
Даже если верви вьет печаль,

Обрывает смерть земные были
И ведет к неведомым вратам –
В золотом сиянье Божий храм.

2.

В золотом сиянье Божий храм.
Здесь душе светло и легкокрыло,
И не жаль того, что уже было,
Тень его не ходит по пятам.

Здесь безмерны Благодать и Милость,
В воздухе струится фимиам.
Боже, припаду к Твоим ногам –
Даруй во прощении мне силу.

Здесь восходит Лучезарный Лик
Прямо в сердце на ступень крутую.
Миг – как вечность. Вечность – словно миг.

Ангелы ликуют: «Аллилуйя!»
И тепло, и радостно глазам.
Я тянусь глазами к небесам.

3.

Я тянусь глазами к небесам.
На земле – мой дом обетованный.
Копошусь, волнуясь, строю планы,
Утверждаюсь с горем пополам.

Кажется: я все могу сама,
Не ждала, не жду небесной манны.
Только это «кажется» – обманно.
Все от Бога: золото и сума.

На земле без Бога каждый – нищий:
От гордыни клад несметный ищет
И с судьбой за место в жизни спорит.

А когда удача по нулям,
Ищет торный путь в Небесный Храм.
Нет там места для земного горя.

4.

Нет там места для земного горя,
Невечерний свет там, Благодать.
То, что здесь пришлось перестрадать,
Там пойдет в зачеты, по которым

Милость обретет и враль, и тать,
И гордец во покаянье скором.
Кто мы здесь без Божией опоры?
Жалкая листва, которой с древа пасть.

Божье Око всех нас стережет:
До поры и редкий куст цветет,
Дуб могуч в раскидистом уборе.

Даже если молнии заряд
Срежет ветви буйные подряд –
Крепки корни здесь у осокоря.

5.

Крепки корни здесь у осокоря
И кора, как будто бы броня,
Что хранила встарь богатыря
И в бою с врагом, и в жарком споре

От меча, от смертного копья.
Все земное – Божие подворье:
Горы тайну вечности хранят,
Ручейки мечтают влиться в море.

В золоте играющих лучей
Лес стоит подобием свечей.
Над могучим дубом – солнца нимб,

Облака лебяжие над ним.
Вдруг гроза – по солнечным следам.
Ствол разъят почти что пополам.

6.

Ствол разъят почти что пополам,
Молния пронзила сердцевину.
Вот такую жалкую картину
Бог рисует в назиданье нам.

Мы штурмуем главные вершины,
Чтобы слава бросилась к ногам,
Молимся искусственным богам,
Прячемся за разные личины

Гордецы, бахвалы и врали,
На любовном троне короли,
Рыцари без страха и упрека.

Час затмения празднует бедлам.
Мы себе хозяева до срока.
Всем нам воздается по грехам.

7.

Всем нам воздается по грехам,
В рукописи – жизненная повесть.
Весь сюжет раскручивает скорость
По годам, а то и по часам.

Часто на распутье честь и совесть
У персон обыкновенных драм,
Тут бывает и – топор за пояс
Для куста, растил который сам.

Мир суров, коварен и ревнив,
И любовь свой пишет детектив,
Словно гимн для разных поколений.

Падаем пред Небом на колени.
Если вдруг хлестнет по сердцу горе...
Милость Божия – каждому подспорье.

8.

Милость Божия – каждому подспорье
В добрый час и в самый трудный час.
Божье повеленье, Божий глас
И благословенье с высей Горних,

Как Давиду, что овечек пас
На веселом луговом просторе.
И восходят утренние зори
Обещаньем радости для нас,

Кто встречает день, благоговя,
С тихою молитвой на устах.
Жизненная истина проста:

Доброты и ласки не жалея,
Возлюби, кто рядышком с тобой,
Возлюби всем сердцем, всей душой.

9.

Возлюби всем сердцем, всей душой
Отчий край, где снег сошел вчерашний
И весенним солнцем пахнет пашня,
Небо – шёлк прозрачно-голубой.

Жаворонка песнь над головой.
И приходит лето нараспашку
В изумрудной луговой рубашке
С сенокосной золотой порой.

А потом настанет время грусти.
Осень крылья холода распустит
Над багряным лесом, над рекой.

А когда отсеет дождь грибной,
Ветер засвистит тоской осторожной
Человеку, что на бездорожье.

10.

Человеку, что на бездорожье,
Ангел помогает вдаль идти
И достойно данный крест нести,
И терпеть, и верить в день погожий.

Мир земной устроен очень сложно.
Жизнь прожить – не поле перейти.
Здесь в обнимку ходят правда с ложью.
Как их разделить и развести?

Порождает боль-беду коварство:
И сердца невинных на разрыв.
Чванство всех чинов, борьбы за барство,

А обычный смертный – вне игры.
Он несет свой крест по бездорожью.
Неба дар – благословенье Божие.

11.

Неба дар – благословенье Божие
На любовь, на подвиг и на смерть.
Высоту горы не одолеть,
Стоя на коленях у подножия.

Есть кремень-сердца, а есть порожие,
Им чужою болью не болеть
И возможным сделать невозможное
Не суметь, и о любви не спеть,

Не сложить и песню величальную,
Если Божьей искры нет в строке.
Ослезится и свеча венчальная

В грубой и бесчувственной руке.
А душе высокой, волевой, –
Посох в час суровый, роковой.

12.

Посох в час суровый, роковой
Страстотерпцу на его Голгофу.
Пишутся горячей кровью строфы
В летописи жизни вековой.

А откуда путь исходит мой? –
От Престола Бога Саваофа
И под Вифлеемскою звездой
Пролегает прямо от Восхода.

Назарянин Иисус Христос
За мои грехи терпел мученья.
Дар бесценный – вера во спасенье.

И с меня теперь – особый спрос:
Вездесущ ловец души сегодня.
В мир иной – крутые очень сходни.

13.

В мир иной – крутые очень сходни,
И лукавый метит прямо глаз –
Чтоб другая тропочка вилась,
Пролежала прямо к преисподней.

И уже бушует в сердце страсть,
Черный флаг безумья смело поднят:
Можно предавать легко и красть
Все, к чему толкнет лукавый сводня.

И меня не раз он уещал.
Ах, как сладок тот дурман-отрава.
Страсть, как будто огненная лава.

Да не тот огонь меня сжигал.
На коленях я стою сегодня
Пред вратами милости Господней.

14.

Пред вратами милости Господней
Страх исчезнет, растворится гнев,
Страсть потухнет, дымно отгорев,
Обретет надежду безысходность

И уйдет безверье, отболев,
Эгоизм утратит превосходство,
Отпадет с души обид короста,
А любовь умножит свой посев.

Даль уже другая распахнется.
А какая? – не дано нам знать.
Песнь во славу Божию прольется,

И сойдет на душу Благодать.
Авва Творче, Боже правый,
Во все веки слава Тебе! Слава!

15.

Голубь с голубицей на просторе.
В солнечном сиянье Божий храм.
Я тянусь глазами к небесам –
Нет там места для земного горя.

Крепки корни здесь у осокоря.
Ствол гроза разъяла пополам.
Всем нам воздается по грехам.
Милость Божия – каждому подспорье.

Возлюби всем сердцем, всей душой.
Человеку, что на бездорожье
Дар святой – благословенье Божие,

Посох в час суровый, роковой.
В мир иной крутые очень сходни
Пред вратами милости Господней.

14 марта-1 апреля 2011 г.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ КРУГ

Венок сонетов

1.

Судьбы моей незавершенный круг,
Не до конца засеянное поле,
И каждый день, отгачивая плуг,
Взрезает пласт – от целого мне долю.

Благословенны на руках мозоли
И помыслы благие поутру.
Пусть неудачи свищут на юру,
Талант терпенья – это та же воля.

Уже в разгаре зрелости страда,
И сходит судьбоносная звезда
С высот. Я дни свои считаю.

Мне бы успеть в назначенный предел
Внести свой штрих в заглавье добрых дел.
Когда замкнется линия – не знаю.

2.

Когда замкнется линия – не знаю.
Что нарекла судьба – произойдет.
И царь-отец не уберег Данаю,
Упрятав от людского глаза в грот, –

Себя не спас. Так жизнь идет, сплетая
Венки любви. И каждый раз восход
Следы ночные на земле стирает,
И солнце озаряет небосвод.

И я с любимым новый день встречаю
На берегу надежд. О чем тужить?
Мне счастье выпало любить, любимой быть.

Бывает и беда, как средь июля снег:
Упорствуй и крепись – на то ты человек.
Снега падут, потом опять растают.

3.

Снега падут, потом опять растают.
Гром отгремит, и снова благодать.
Поднимет к солнцу на ладони мать
Свое дитя, от счастья замирая.

Дитя смеется. Что еще желать?
Как правило, беда лишь тех карает,
Кто, меж трех сосен в светлый день плутая,
Искомый путь не может угадать.

Аукай или нет – в ответ все глухо.
Борьба – вот суть. Спасительный покой
Подобен смерти, разложению духа.

Но каждый правит собственной судьбой.
Топор в руке – руби трухлявый сук
Под смех и одобрение подруг.

4.

Под смех и одобрение подруг
В застолье званом подниму бокал
За дом, где под матицей прочно кряк
Мой дед для колыбели забивал.

Качал детей своих. Потом настал
Черед и внукам. Вечен жизни круг.
За древо вечности я подниму бокал,
Где жизнь моя, как ветка на ветру,

Среди других не так уж и густая,
Но долу не склоненная, прямая...
Пусть под уклон наметились года.

За обновленье тост я предлагаю,
За веру и любовь, и за весну, когда
Домой вернутся снова птичьи стаи.

5.

Домой вернутся снова птичьи стаи.
Каким бы трудным ни был перелет,
Летят они, хотя еще и лед,
И снег местами землю укрывают.

Я к небу обратясь, с утра их поджидаю.
Холодным дням идет на убыль счет.
О, если бы желанья, сбываясь,
Как птицы, возвращались каждый год.

Я выпустила их счастливой ранью.
Наивное, святое упованье
На исполненье без особых мук.

А птицы перелетные летят,
Тараня тучи крыльями, хотя
Гостеприимством славен пышный юг.

6.

Гостеприимством славен пышный юг.
Тут круглый год цветов благоуханье,
Больной души святое врачеванье.
Под благодатным солнцем и недуг

Из тела – вон. О, первое свиданье
С морским простором. Где он, легкий струг? –
Чтоб по волнам, удачу заарканя,
Лететь вослед мечте сквозь боль разлук.

Но больше месяца тут проживешь едва ль.
Откуда ни возьмись, придет печаль,
Глаза затянет льдинкой, что не тает.

Поймут меня южане и простят:
Как хорошо бы ни было в гостях,
Но дома лучше, – истина простая.

7.

Но дома лучше, – истина простая,
Бесспорная для всех, как дважды два.
Ее мы в раннем детстве постигаем,
Когда нас мать впервые выпускает

Из-под опеки. Кругом голова
От ошущенья новизны, едва
Свобода вдруг подхватит, окрыляя.
Не чуя ног, несешься в даль без края,

Умаявшись, бежишь стремглав домой,
В колени к маме ткнешься головой,
В пуховый сон под ласку добрых рук.

Родная крыша, как ладони мамы:
У очага любви стихают драмы
И не страшны ветра житейских выюг.

8.

И не страшны ветра житейских выюг,
Когда со мной защитник и опора,
Судьбою нареченный мне супруг.
Рассвет в окне. Я отодвину штору.

Как хорошо быть вместе в эту пору.
Заря счастливый вычертила круг.
А время катит то с горы, то в гору:

То выйдет лето на цветущий луг,
Поманит в лес по ягоды-грибы.
И мы помчимся, времени рабы,
Сбирать плоды. Счастливей нету доли.

Полкузовка успеешь насбирать –
Зима завет. А потом опять
Весна пройдет в своей заглавной роли.

9.

Весна пройдет в своей заглавной роли –
Вершительница счастья и мечты,
Художница, что серые холсты
Раскрасит бирюзой, зеленый колер

Наложит щедрой краской на пустырь,
Где чахли одинокие кусты,
Насытит влагой вековые корни
Старательница вечной красоты.

Благословенна жизни новизна.
Ее несет в себе весна-красна.
А в обновленья – вечной жизни воля.

Сольются ручейки в один поток,
Мы поспешим туда в свой краткий срок,
Где возлежит невспаханное поле.

10.

Где возлежит невспаханное поле –
Конца не видно. Надо ли тужить?
Ведь главное – начать. Старанье, волю
В одно непобедимое сложить.

И вот оно, целинное раздолье.
Начав работу от пустой межи,
Паши да сей. На то тебе и жизнь.
Упустишь время – счастье обездолишь.

Все, что пожнешь, отдай хорошим людям.
Тот обделен, кто добротой скуден,
Лишь в свой амбар зерно ссылая впрок.

А в результате – прель, одна мякина.
Жизнь, словно почва, где песок да глина.
Трудись – сорвешь невянувший цветок.

11.

Трудись – сорвешь невянувший цветок
В саду надежд средь зарослей крапивы,
Искусно заплетешь его в венок
Дней несчастливых и счастливых.

Таинственный цветущий уголок –
Твой сад благоухает всем на диво.
Сама природа бережет ревниво,
Лелеет даже хлипкий стебелек.

Цветы и травы свой секрет таят:
Одни – возмездие, смертельный яд,
Другие – радость исцеленья

И вечности волшебный огонек.
Средь них фиалки тайный клубенек –
Мечты заветной скорое свершенье.

12.

Мечты заветной скорое свершенье
Минует пусть и зависть, и тщету.
Жар-птицу в небывалом оперенье
Никто не умудрялся на лету

Поймать – и сразу в клетку на хранение.
Силки же по сей день прицельны на мечту.
Плененная мечта в изнеможенье
Упрямо рвется снова в высоту.

Свободы удивительная новь.
Пленить, пленяться может лишь любовь.
И в радость плен, когда под общей сенью –

Он и Она. Им радость в дар дана.
Пей чашу обоюдную до дна,
В век скорости умеи ценить мгновенье.

13.

В век скорости умей ценить мгновенье,
Распоряжаясь собственной судьбой.
Кто ты? Обычный смертный? Гений,
Чья мысль опережает жизни строй,

Вливая ей в стареющие вены
Способность быть крутой и молодой?
И ржавые в цепи событий звенья
Покрыты часто пылью золотой.

Все относительно на этом белом свете –
Мгновенье, год и целое столетье.
Один живет лет сто – и нет потом следа.

Другой же, как летящая звезда,
Сверкнет, вписав в печальный эпилог
Счастливой бесконечности исток.

14.

Счастливой бесконечности исток –
Рождение детей, потом и внуков.
Настанет час, и подойдет мой срок,
Пойдет за гробом, сгорбившись, разлука

Со всем, что было «Я»... Но на порог
Заступят дети – вечности порука,
Откроют смело в счастье дверь без стука.
Так жизнь и крутит за витком виток.

Ночь второпях рисунок дня стирает.
И вновь заря заманчиво играет
В потоке света рано поутру.

Вот потому я смело утверждаю,
Что образует линия крутая
Судьбы моей незавершенный круг.

15.

Судьбы моей незавершенный круг.
Когда замкнется линия – не знаю.
Падут снега, потом опять растают
Под смех и одобрение подруг.

Домой вернутся снова птичьи стаи.
Гостеприимством славен пышный юг,
Но дома лучше – истина простая.
И не страшны ветра житейских выюг.

Весна пройдет в своей заглавной роли,
Где возлежит невспаханное поле,
Трудись – сорвешь невянущий цветок,

Мечты заветной доброе свершенье.
В век скорости умей ценить мгновенье –
Счастливой бесконечности исток.

Глава IX

НЕ ОТРЕКАЙСЯ ОТ ВЕТРА ХОЛОДНОГО

СТИХИ ИЗ КНИГ

Я – птичка-певичка
на майском кусту
Закатного цвета,
Чирикаю радостно в пустоту
На кромке рассвета...

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Л. Зинина', located in the bottom right corner of the page.

1. ОТСМЕЯЛОСЬ СОЛНЦЕ ДЛЯ МЕНЯ ЛУЧИСТО

Из книги «Радуга»

МАМЕ

Опять по-праздничному в доме.
Перед тобою на столе
Вздыхает тесто под ладонью,
Набравшись пышности в тепле.

Лежит, готовое к разделке.
И весел треск огня в печи,
И скоро-скоро на тарелке
Запахнут вкусно калачи.

Запахнут ветром, росным полем,
Весенней свежестью дождей.
И ты нам скажешь: «Ешьте вволю!»
Нет в мире слаще калачей.

МОЙ БРАТ

Баян выводит четко-четко,
Ладони выбирают такт,
Мой брат матросскую чечетку
По-прежнему плясать мастак.

Все, как на палубе, качает,
От дробной пляски гнется пол,
А руки, будто крылья чаек
Над гребнями упругих волн.

Дробь то угаснет и остынет –
На море штиль и благодать,
То с новой силой шквал нахлынет –
На месте трудно устоять.

И ноги сами рвутся в пляску
Помочь, прищелкнуть каблуком...
Мой брат, теперь сугубо штатский,
В душе остался моряком.

* * *

Людские судьбы, как дороги,
Ведущие в чужую даль,
На незнакомые пороги,
Туда, где радость и печаль
Сплетаются в жгуты тугие
И вяжут дни в единый сноп,
Где годы – птицы голубые –
Морщинят нам усталый лоб.
Идут дороги лесосекой
По перевалам, склонам гор,
По трассам атомного века
В степной разливистый простор.
Порою сходятся друг с другом,
Чтоб вместе к очагу свернуть,
Но жизнь, врезаясь острым плугом,
Опять раздваивает путь.
И где он, ближний перекресток?
В какой дали? В каком краю?

Наверно, каждому непросто
Нести к нему судьбу свою
И встретить там того, кто нужен,
Чтоб, взявшись за руки, идти...
Вот так и я:
И в жар, и в стужу,
И сквозь осенние дожди
Ищу, ищу свою дорогу,
Не жаль того, что позади.
Но годы бьют уже тревогу,
И осень сердце холодит.
Миную встречи-перекрестки,
И кто отстал – того не жду.
Пусть ветер бьет навстречу хлесткий,
Пока могу идти – иду...

ФАНТАЗИЯ

(К картине Петрова-Водкина)

Красный конь гулко цокнул копытом,
Заметалась земля под конем,
Даль прозрачной росой омыта,
Тянет в свой голубой окоем.

Отлетают дорог километры.
Горы. Доли. Просторы степей.
Я желаю попутного ветра
Тем, кто красных седлает коней.

Ах, какая раскованность мысли,
Упоенье мечтою, восторг
Перед яркой заоблачной высью,
Где зарею разбужен восток.

ВЕРА

Я верю в таинство рожденья,
И верю в чистые снега,
Как вдруг ослепший – в исцеленье,
Как путник – в близость очага.

Я верю в радость, если горе,
И верю в первую любовь,
В монету, брошенную в море,
Чтоб возвратиться к морю вновь.

Я верю в будущие вёсны,
В свою счастливую звезду,
И знаю: будут в лодке весла,
Чтоб плыть сквозь радость и беду.

И пусть не только по теченью
Заборами груженный челн
Плывет.
Пусть – шквалы невезенья,
Мой парус ветром жизни полн.

* * *

В букет из розовых пионов,
Чтоб сделать редким общий фон
Для распустившихся бутонов,
Пучок осоки был внесен.
Внесен, как штрих, как дополненье
К роскошной прелести цветов.
И вызвал массу одобрений
У самых тонких знатоков.
Меня же мучает сомненье:
Всегда ль мы вправе делать так?
Чтоб красота была приметней,
Ужель необходим сорняк?

* * *

Дороги вы мои, дороги!
Вели меня и вдаль, и вблизи,
К друзьям на добрые пороги.
От недругов в тоске вились.

Я приходила гостем в счастье
На несколько деньков в году.
А дни, как кони разной масти,
Неслись вперед, презрев узду.

Их не поймать да и на месте
Не удержать, коль рвутся вскачь.
И вот уже не день, а месяц
Сплошных тревог и неудач.

Каурый конь разбил копыта,
Плетется чуть. Бессилен кнут.
Ты вдалеке, и я забыта.
Обиды жгут, обиды гнут.

Но есть конец и бездорожью,
Лучами высветлен большак,
И невозможное возможно.
За шагом – шаг, за шагом – шаг.

Дороги вы мои, дороги,
Спасибо вам я говорю
За все печали и тревоги
И за счастливую зарю.

За неудачи и удачи,
И за друзей, и за врагов.
Вот белый конь обратно скачет –
Моя надежда и любовь.

* * *

Стирает вечер улиц очертанья,
В уснувших окнах замерли огни.
И, как луна, плывут воспоминанья,
Высвечивая прожитые дни,
Зачем-то будят робкую надежду,
Глазами грусти в прошлое глядят.
А я как будто затерялась между
Прошедших дней и тех, что предстоят.
А мне б хотелось путь пройти обратный,
Потерянное снова обрести.
Но дни от нас уходят безвозвратно,
К ушедшему заказаны пути.

* * *

Ах, эти запоздалые цветы,
Расцветшие в дни осени печальной,
Когда чернеют от дождей кусты
И грезят птицы стороною дальней.

Цветы роскошны,
хороши собой,
Но не питают воздух ароматом.
И в том,
что стало холодней с тобой,
Наверно, тоже осень виновата.

* * *

Ночь закружилась осторожной птицей,
Закрыла неба синь своим крылом.
Незванным гостем под моим окном
Сентябрьский ветер ласково стучится.
Пусть он влетит, беспечный, налегке,

Я подойду и растворю окошко:
На ветреном особом языке
Со мною пусть поговорит немножко.
Развеет о любимом все тревоги,
Прогонит маету, печали прочь
И снова упорхнет в глухую ночь
Отшельничать в уральские отроги.

* * *

Наши судьбы параллельны,
Наши руки параллельны,
Не коснуться нам друг друга,
Не обнять.
Пролетят теперь апрели,
Не заденут нас апрели.
И любовь, как скакуна,
Не обуздать.

Прошумят, как птицы, весны.
Мы с тобою не заметим,
Что закатный месяц август
Во дворе.
Осыпает листья осень,
Гулко бьют о стекла ветви.
И виски,
Как будто в снежном серебре.

* * *

Наша поздняя встреча –
Всего лишь случайность.
Через боль, через муку тебя признаю,
Но признание это останется тайной,
Неразгаданным сном, песней, что не спою.

Голос мой не ослаб.
Он по-прежнему звонок,
Да и сердце покуда подвластно любви.
Отношения наши – запретная зона,
Где колючка с цветком в одночасье цвели.

* * *

Выстрел влет. Птица, вздрогнув крылом,
Собирая последние силы,
Устремляется ввысь напролом,
Чтоб оттуда, из солнечной сини,
Наземь ринуться, крылья сложив,
Обретая свободы мгновенья,
Испытать, как заманчива жизнь
Даже в этом, смертельном паденье.

* * *

Отсмеялось солнце для меня лучисто,
Отзвенели ветры ржавую листвой,
Затянулось небо пеленою мгlistой,
И с утра назойливо сеет дождь косой.
Потускнели краски,
выцвели до срока,
Будто кто в палитру подмешал золы.
И скользит змеєю мокрая дорога,
По которой снова вдаль уходишь ты.

* * *

Я не надменна, я горда.
Любить умею, ненавиждать.
Смеяться.
Плакать – лишь тогда,
Когда слезы никто не видит.
Но я доверчива.

Обман
Порой за правду принимаю,
Не вижу хитростей капкан,
Куда, бывает, попадаю.

Зато я верю, что пора
Моих тревог и бед не вечна,
И утро мудреней, чем вечер.
И завтра лучше, чем вчера.

* * *

Говорят, будто зимнее солнце не греет,
Но утрами теплее становится мне
И намного счастливее, и светлее,
Если медленный луч заскользит по стене
И уютно уляжется рыжим котенком
На листочки бумаги, не тронутой мной,
И слова потекут голосисто и звонко,
Как ручьи запоздалые ранней весной.
Говорят, что вторая любовь не от сердца.
Как и зимнее солнце, не греет она.
Я же только с тобою смогла отогреться.
В зимний день для меня наступила весна.

* * *

Родниковая свежесть осеннего утра.
Пей горстями –
И хочется, хочется пить.
Просыпается солнце. И кажется мудрым
То, что нам довелось на земле этой жить.

Встрепенулась листва под порывами ветра,
Будто к небу взметнулся костер золотой.
В эту пору в душе укрепляется вера
В возрождение жизни кипучей весной.

ВЕСНА КРУГЛЫЙ ГОД

Второпях остывает короткое лето,
Жухнут сочные травы, пустеют поля.
Осень. Осень опять.
Только я не об этом,
А о том, как спокойна, прекрасна земля
Даже в грустную пору недолгих прощаний
С тихой благостью солнца, грибного дождя.
Замолчала кукушка, уже отвечала нам
Сроки жизни.
Чего еще ждать?
Мы идем по жнивью всех надежд и мечтаний.
Урожай – наша радость, наше счастье, любовь.
Пляшет ветер судьбы свой затейливый танец,
А ему, как известно, подвластен любой.
Так и кружимся мы.
Только я не об этом.
Что положено в жизни, от нас не уйдет.
И не важно: зима за окном или лето,
Если любишь,
 то в сердце весна круглый год.

* * *

Любовь к тебе пришла надеждой
На то,
 что сбудется весна
Моей судьбы, где ветер снежный
Дул круглый год...
Вдруг ото сна,
От зимней дремы
Мир очнулся.
В нем зреет в красках звонкость дня,
Что песенно души коснулся.
И нет счастливее меня.

Весна легка и скоротечна,
И саду в ней недолго цвезть.
Побудем в нем.
Зачем нам вечность,
Когда на то минута есть.

* * *

Звонок междугородний –
Дробь радости в стекло,
– Ты ждешь меня сегодня?
Алло! Алло! Алло?
Готов обратный поезд,
Горит зеленый свет.
Нам невозможно порознь.
Ты ждешь меня иль нет?
– Уже леплю пельмени.
Ты за порог – я жду.
А поезд не отменят?
– Тогда пешком приду!

В ЗООПАРКЕ

Ну, здравствуй, лев – гроза зверей!
Лежишь, бесстрашный и могучий.
Над головою грива тучей,
А взгляд потухший.
У дверей
Железной клетки два замка,
Их не открыть, просунув лапу.
И нудный дождь все будет капать
Меж толстых прутьев с потолка.
Я так сочувствую тебе,
Мой непредвиденный приятель...
Порою в клетке обстоятельств
И я покорствую судьбе.

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Передо мною лист тетрадный,
Еще не знающий пера,
Спешащих слов и речи складной,
Иль размышлений до утра.
Он нем.
Но если прикоснется
К нему любовно человек,
Он песней звонкой отзовется,
Поэмой, славящей наш век.

Он станет дерзостным проектом
Досель невиданных машин,
Несущих нас к иным планетам,
К разгадке тайн земных глубин.

Иль будет доброй детской сказкой,
Жизнь освежая волшебством...
Я лист беру всегда с опаской:
Он чист, красив. А что потом?!

БАЛЛАДА О СКУЛЬПТОРЕ

1.

Над бесформенной глыбой мрамора
Колдовал старичок тщедушный,
Восторгался,
Считал, что в самый раз
Обрести, что в судьбе упущено.
Молоточком любя постукивал.
Сек резцами, ласкал ладонями
И по часу, быть может, в сутки спал,
Добиваясь в камне гармонии.

Скептик хмурился: вряд ли справиться
Старичку с этой глыбой каменной,
Не ему высекать красавицу...
Но ваятель рубил отчаянно.
И ломались резцы,
И крошево
Обжигало.
Но боли не было.
Одержимо мечту из прошлого
Возвращал он, словно из небыли.
И Она поднялась.
Изящная.
Гордо волосы с плеч откинула.
Песня жизни.
Любовь вчерашняя,
Что на землю с небес низринулась.

2.

...А небеса – такая голубень,
На облаках застыла позолота.
Он ежедневно помнил этот день,
Когда Она спешила к самолету.
Пилот мотор, казалось, приглушил,
Ромашки тихо головой качали,
И солнце лило яркие лучи,
Как будто никого не разлучая,
Как будто рядом не было войны.
О, если б шла беда, людей миную!
Застыли губы сладко-солонь
В последнем их прощальном поцелуе.

Слиянье губ, слиянье двух сердец,
Глаза в глаза.
И расставанье близко.
Оно в себе несло любви конец
Ваятеля и девушки-радистки.

Да нет же!
Нет же, не было конца!
Судьба не раз с ним обходилась круто,
А он все ждал с наивностью юнца,
Что в небе вспыхнет купол парашюта.

И каждый день ходил Ее встречать.
Надеялся: придет Она оттуда,
Откинёт гордо волосы с плеча
И засмеется.
И свершится чудо...

А время не щадило.
Под уклон
Катилась жизнь. И убывала сила
В руках.
Отчаивался он,
Не выпуская, между тем, зубила.

Но в силе не нуждалось мастерство.
Куда важнее труд и вдохновенье,
Рожденное мечтой, и торжество
Любви, ведущей к славе гения.

И день и ночь с упорством он вял,
Не выделяя праздников средь буден.
На гениальность не претендовал –
Оценку ставит время, ставят люди.

И вот Она – предел его мечты –
В даль будущего смотрит с пьедестала,
Среди мирской всевечной суеты.
А он присел к ногам Ее устало.

И рядом с Ней счастливейший творец
Казался просто старичком без дела,
Что видит жизни роковой конец.
А жизнь Ее не ведала предела.

2. Я ПУЩУ СВОЕ КОЛЕЧКО...

Из книги «Живу любовью»

СВЯТКИ

Раскрутил январь снега,
Раздразнил ночную вьюгу,
Взвил сугробы, как стога,
Под серебряной кольчугой
Спрятал месяца рога.
На суровый облик свой
Нахлобучил маску смеха.
От окна к окну гурьбой –
Святки, добрая потеха,
Рожи чудищ – не разбой.

В эти святкины недели
Дева не прядет кудели,
Не вдевает нить в иглу –
Чтоб светло жилось сынку
Или дочке – все едино.
Чтоб приплод несла скотина –
В кузнях обручей не гнут
И полозий не куют.
В эти святкины недели
Волю празднует безделье.
И вертеп – как на заказ,
Не забава, представленье
Сына Божьего Рожденье,
Прославленье – первый сказ,
А второй – в миру крещенье...
За окном снегов кипенье –
Первозданность, очищенье.
Тает в небе без следа
Иорданская звезда,
А в душе – ее свеченье.

СОТВОРЕНИЕ

«Разумность – прежде созданий Господних».

VIII притча Соломона

Разумность – прежде бытия Земли.
Создатель Мира – Мудрости послушник:
И море не захлестывает суши,
И человеке – не хитрей змеи,
И дерева – не для укора травам,
И луговой цветок – не для потравы,
И свет – чтобы рассеять призрактень,
И ночь – чтобы восстал из мрака день.
Творец Земли – Разумности послушник,

Когда над твердью небо возводил,
По лику бездны круг провел, не руша
Безбрежности, чтоб не ломали крыл
Ни ангелы, ни птицы. Вольным – воля,
И Небу и Земле – едина доля:
Держава благоденствия людей,
Ты, человече, ею сам владей!
Но не учел Разумности послушник,
Что человече во грехе слабак
И дьяволу продать способен душу
В базарный день за ломаный медяк...

ВОСХОЖДЕНИЕ

Ступенька – детство, ступенька – юность, –
Еще фигуре чужда сутулость,
Еще равны все в вопросах счастья,
Еще не давит на ум начальство,
Еще нет нужных, еще нет лишних,
Ступени – выше, ступени – ниже.
Когда же юность за перевалом,
Ступень бывает и пьедесталом:
Венок лавровый – на лоб высокий,
На лобик узкий – пучок осоки, –
По Сеньке шапка, как говорится.
Один гордится, другой стыдится.
Куда спокойней быть в середине,
Пятном неброским во всей картине:
Не мает совесть, не гложет зависть,
На что способен, то и досталось.
Ступенька – выше, ступенька – ниже.
Кто в жизни нужный, а кто в ней лишний,
Кто самый главный, а кто лишь средний,
Судить виднее уже с последней,
С той роковой, золотой ступени.

* * *

Я пушу свое колечко
 по юдоли вековечной,
По ступенькам крутобоким,
 сквозь замочную печать,
И при солнце, и при звездах,
 даже там, где тлеют свечи,
В беспокойном людном мире
 человека поискать.
Духа юного томленье,
 смех призывный, сладость пенья
И безудержность желаний, –
 маску ханжескую прочь! –
Взоры пылки, губы жарки, –
 это дразнит искушенье
И бесстыдно увлекает
 в наплывающую ночь.
Схлынет душевной ночи одурь
 в час рассветного озноба,
И протрет глаза Сомненье
 непорочною рукой.
Исступление – от беса,
 дар прозрения – от Бога.
На исходе каждой бури –
 утешающий покой.
Очи долу – покаянье.
 Руки к небу – искупленье.
Убеленный, упрежденный
 светлой мудростью старик
Перед светом, перед тьмою,
 пред собою – на коленях:
Путь конечный – даль без края
 или, может быть, тупик.

Разрастается страх
Потерять в этом мире
Представленье свое.
Трехпудовую гирей
Возраст страхи кует.
Сердце ухает гулко.
До чего ж я слаба! –
Лист опавший коснулся
Воспаленного лба,
И всего-то... Всего-то
Ведь – не ржавь... Позолота.

* * *

Где фантастика? Где реальность? –
Голубых надежд проводник
Оживает божок деревянный –
Сердце, стукавшее в тупик.

Беспокойный мирок законный
Распахнулся, как зев ворот.
Ты и я пока не знакомы,
Но сближенье уже идет.

Приоткрылась даль нашей встречи,
Словно мудрость линии лба,
Что проводит судьбы предтеча.
Иль сама особа-судьба

Собирает в пучок биотоки –
Намагнитив наши поля,
Сокращает живые сроки
Ожидания до нуля.

Встреча выстрадана. Желанье
Слить пути во единый путь
Было вычислено заранее –
Ни попятиться, ни свернуть.

Где фантастика? Где реальность?
Ты и я. Но легко ли вдвоем?
Разгорелся божок деревянный,
Душу радующий огнем.

* * *

Барыня-сударыня! –
Бусы милым дарены,
Сине полымя – глаза,
В узел стянута коса,
Круглый вещий говорок
Да веселый каблучок
Половицы дробью жжет –
Много радостных хлопот.
Мужем барыня красна,
Сыном, дочкою ясна,
И желанна, и добра,
Словно солнышко с утра.
У нее колечко есть –
Красота, Любовь и Честь.
А укатится колечко,
Прыснув с чистого крылечка,
В людном мире сгинет след –
Опустеет в окнах свет.
Ах, ты барыня – растяпа,
Дорога теперь расплата.
Ах, сударыня – ворона,
То колечко – что корона,
Крепь счастливого венца.
Не теряй того кольца!

* * *

Ах, рыцари! – Серебряные латы,
Горячий конь и острое копые.
Густым багрянцем полнились закаты,
Когда вонзалось в сердце острие
Обиды иль навета,
И расплата
За честь была как доблесть.
Свято
Любовь хранила таинство свое.
Благословенна чистота ее.
Ах, рыцари!
Минули времена
Былых сражений за сердца красавиц,
В их честь высоких и веселых здравниц,
И женщина в любви теперь вольна...
Но хочется почувствовать порой
Щит рыцаря за зябнувшей спиной.

МОЛОДИЦА

Ясногуба, крутоброва, круглолица,
А глаза – как васильки на белом ситце, –
Красота.
Умывается водою из криницы,
Где играют знойно-жгучие зарницы
Неспроста.
Не затем ли грудь волнуется, теснится
И любовь, как песня сладкая, таится
На устах.
Отпусти на волю песню, молодлица,
А то минет срок, и в сердце поселится
Пустота.

* * *

Нам дано с младенчества
Извлекать урок –
Вещие бубенчики
Через жизнь-порог.
Зазвенит один – крепись,
Губы не кусай:
Перевернутая высь,
Незавидный рай,
Жаркий адовый озноб,
Чернота в глазах –
Света белого потоп.
Крах.
Зазвенит другой – готовь
Самовар да чай,
Припожалует любовь –
Выходи-встречай,
Через боль переведи,
Как через рассвет.
Расставанье впереди –
В прошлое билет.
Случай или же судьба.
Испытанье сил:
Победить в себе раба
Обретеньем крыл,
Воспарить душою над
Радостью, бедой.
Боль – Любовь – единый ряд
Радуги земной.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Ночью синей и глубокой
В небе месяц волоокий
Вдруг закрыл глаза.

Темнота жестокой кистью
Красит желтых окон листья,
На душе – гроза.

Час недремлющего вора –
Ах, надежны ли запоры,
Крепка ли стена?

Тяжек сон тех, кто внакладе,
У кого сундук украден,
У кого – жена.

Здесь – потери, там – потери.
С петель сорванные двери,
Боль проходит сквозь.

И растет желанье мести:
Кто вчера смеялся вместе,
Пусть поплачет врозь.

Приоткрой же очи, месяц!..

* * *

Я тебя приручаю, я тебя приручаю
К ласке, к тихому слову, к теплу.
А когда все не в толк, посылаю, отчаясь,
Ядовитых упреков стрелу.
И сама задыхаюсь от боли, от плача:
Ах, за что я тебя! Ах, зачем? –
Ты живешь, как сквозняк, – и не можешь иначе,
При закрытых дверях угасаешь совсем.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Придет – покой губя.
И ты, как хитрый тать,
Крадешься от себя, –
Дрожь в сердце не унять.

Крадешься в мир иной,
Где радости острей,
И воля, и покой
На жертвенном костре.

Блажь это или страсть?
Паденье или взлет?
Любовь способна красть,
Но никогда не врет.

* * *

Кого любить, чего бояться,
Какую нить вести сначала,
Какие могут оборваться? –
Ах, если б знала,
Какая радость сердце гложет,
Какая боль питает силы,
Чтоб день ненастный стал погожим?
И я любила
Приволье неба, туч круженье,
Банальность чопорных соседок,
Тебя – желанное мученье
Мне напоследок.

ПОЭТУ

Я знаю: быть тебе с другой,
Ее постель – твое забвенье:
Предавшись радости земной,
Заспишь свое стихотворенье –
Дитя, которому судить
По совести мир этот бренный,
Дитя, которому любить
Все тот же мир – веленье генов.
Так быть. И праотцы его
Непоправимо ошибались.
Простая юбка – божество,
Во имя юбки отрекались
От всех других богов. Свой крест
Несли блаженно, ослепленно,
Забыв, что Муза среди невест
Единственно годилась в жены...

ПОД ВЕЧЕР

Давай под вечер сядем рядом,
Чтоб пошептаться ни о чем.
Пусть в нашу пору листопада,
Как прежде, радость бьет ключом.
– Любимый.
– Ты моя любимая.
– Родной мой.
– Ты еще родней.
Пора осенняя недлинная,
И ночи тень таится в ней.
Пусть не для нас весною солнышко
Зальется новью у окна.
Мы нынче пьем любовь до доньшка
Из кубка счастья, что без дна.

* * *

Ворвись в мою келью посланцем апреля,
Навстречу надежда улыбкой вспорхнет,
И на не просохшей от слез акварели
Означится мысли весенний полет.

Подарки судьбы удивительно редки,
Твой путь до меня несказанно тернист.
На окоченевшей тонюсенькой ветке
Завис одиноко пылающий лист.

* * *

Угорела! Угорела!
Спелой ягоды не ела –
Лишь склонялась над грядой
И вдыхала дух хмельной –
Заморочила себя.
А вчера кляла: «Судьба!»

Ягодой тяжелый куст,
Не дразни горячих уст –
Я оскомины боюсь...

* * *

Я не предаю любви, не боюсь,
И в самом главном не солгу.
Есть у алмаза чудо-свойство
Искриться сквозь сырую мглу
И разрезать любые тверди
Касаньем точным – не на глаз.
Попробуй искренне поверить:
Моя любовь к тебе – алмаз.

* * *

На песке – счастливый дом,
По-над крышей дальний гром,
Все окошки нараспашку.
В этом доме день вчерашний
С днем сегодняшним живут,
Пьют одну хмельную чашу,
Тайну свято стерегут.
А она все рвется вон
Из распахнутых окон,
То наивной светлой песней,
То грустинкой неуместной,
То ныряет в теплый смех,
Полагаясь на успех.
А когда хандра накатит,
Нянчит глупое дитяте –
Несодеянный мной грех.

3. ...А РЯДОМ ПРИМОСТИЛАСЬ ВЕЧНОСТЬ

Из книги «Солнышко под вечер»

* * *

Окно открою – воздух свеж
И пахнет смятою фиалкой.
Нить неоправданных надежд
Разматывает память-прялка
Из всей кудели прошлых лет,
Пытаясь разгадать секрет,
Чья беспощадная рука
Растит твоих стремлений древо.

Потом с плеча или с рывка
Его выкарчивает смело.
Потеря. Боль. Сердечный шок.
Вновь о несбывшемся жалеешь
И в новой лунке корешок
Своих надежд опять лелеешь...
О, до чего тяжел клубок,
А нить все тянется от прялки.
И корешок дает росток
Не дерева – трепетной фиалки.
Пусть! – если вспыхнет синий цвет,
Врастая в завтрашнее чудо,
На трех замках один секрет:
Я буду завтра иль не буду.

СПИРАЛЬ

Добро – искомое души.
До самого конца
Ищи упорно и верши
С терпением творца.
И обретешь себя,
Свой след
Проложишь в дебрях дней,
Зажжешь необратимый свет
Во тьме людских страстей.

Толпа упорствует.
Что ждать?
И меч в чести, и пест.
Тебя же выгодней послать
На плаху или крест,
Чтоб лгать, чтоб красть, чтоб убивать.

Суть формулы проста:
Живи, Варавва, – вечный тать,
И лейся, Кровь Христа.

Но скорбный посох доброты –
Пусть притупился чуть –
Из недр душевной слепоты
Вновь ищет верный путь.
И вновь Иуду ждет петля –
Не развязать узла...
Печально вертится Земля –
Приют добра и зла.

* * *

Я полагала: мир царит в лесу,
Гармонии законы подчиняя:
Стремленье к солнцу возносить красу
Равно для каждого,
Роняя
Благое семя в благодать земли,
О вечности заботятся деревья –
Ростки пробьются, и пойдет налив
Счастливой силы жизни...
Но по мере
Достойной взрослости
Желанье выше всех
Поднять,
Расправить царственную крону
Рождает право первого,
И верх
Одерживает сильный по закону
Безжалостному: кто – кого?
Борьба
Оправдана высокой, доброй целью –
Быть лесу стройному.

Судьба
Всех обреченных жить под старой елью
Имеет тот же смысл –
Кого-то оттеснить,
Чтоб выжить самому и плодоносить.
Замкнулся круг.
Связующая нить
Добра и зла проходит шаткой осью
По центру вечности –
И неизменен строй:
Владыка, обыватель и изгой.

НИЩИЕ

Разве вам не выпадало
Бедолагу пожалеть,
Хлеба дать, кусочек сала
Или бросить в шапку медь?
Сколько было их, убогих,
Без крыла над головой.
Дом для них – пути-дороги,
Медяки же – на пропой.
Были войны виноваты,
Лихоимство и беда.
Дорогой платили платой
За желанье жить тогда.
А теперь? Теперь тем паче.
Роскошь хлещет по глазам,
Зависть мается и плачет.
Вновь стена! Открой, Сезам!
Злата! Злата сверх предела.
Алчный ветер не потух.
И роскошничает тело,
И уродуется дух.

Сколько их теперь, убогих,
Разнаряженных калек,
Руки целы, ноги целы,
Но уже не человек.
Что упало, то пропало,
Крах души страшней, чем смерть.
Разве вам не выпадало
И такого пожалеть?

* * *

Сидят на лавочке у дома
Жена и муж. Сидят рядком.
Закат занялся, как солома,
Грозится ярым огоньком
Поджечь затишье, растревожить
Угомоненные дворы...
Ослабив чуть тугие вожжи,
День, словно конь, сошел с горы
И свез дневных забот поклажу.
Настороже ночная глушь.
Жена, пока не смерклось, вяжет.
Дымит, покуривая, муж.
– Знать будет ведро – вон как пышет,
Я на поветях постелю.
А муж, внимая чутко, слышит:
«Родной мой, я тебя люблю».
– На заглядение погода, –
Он отвечает. – На корню
Созрели травы. Пахнет медом.
А слышно: «Я любовь храню».
Накинул ей пиджак на плечи:
Уж внуки есть, он – как жених.
...А рядом примостилась вечность,
Ей так уютно возле них.

ДВОЕ

Роднее нет родных: судьба свела,
Объединила мужество и нежность.
В Ее глазах – счастливая безбрежность,
В Его глазах – весенний ток тепла.
Признания возможно ль удержать! –
И в полуслове – тайна единенья...
Когда ж друг другу нечего сказать,
То наступает время отчужденья.

ОБРАЩЕНИЕ К ЗАРАТУСТРЕ

*«Не позволяйте вашей добродетели
улетать от земного и биться крыльями
о вечные стены...»*

Фридрих Ницше

Провозвестник молний – Заратустра,
У горы, где солнце всходит грустно,
Возведи обитель мне – уют
Сирых мыслей и слепой надежды.
Облачусь я в белые одежды,
Принимая твой высокий суд.

Кто я? Что я в этом мире значу?
Над звездой, упавшей с неба, плачу.
Над бедой, грозящей мне, смеюсь,
Твой плясун над пропастью – мой слепок.
Он канат освоил ради хлеба.
Ну а я? Каким богам молюсь?

Милосердье или же проклятье?
Из каких колодцев силу брать мне,
Утоляя жажду, мир любить.
Сеять зерна солнечные ночью
И поставить веру первой строчкой
В правило к рассвету путь творить?

В хаосе мирских судьбосплетений
С нищенской сумой блуждает гений.
Кто подаст пришельцу, не скупясь,
Золотую истину от века
И поныне: суть сверхчеловека
Одолеть страдание, смеясь.

Высока, крута гора искусства,
Пик нацелен в небо. Заратустра,
Властолюбцы твой несут портрет
На вершину сладких упований.
У подножья тянут к солнцу длани
Лишь глупец и молодой поэт.

Тот мечтает, этот пишет песни,
Прославляя час, когда воскреснет
Добродетель в золотом венке.
Смута и разлад найдут забвенье,
И пойдет дорогой света гений
Не с сумой, а с молнией в руке.

О, не кара, а благословенье.
Я покорно преклоню колени
И подставлю голову свою.
Заратустра, ты судья, не мститель.
Освети души моей обитель.
Я тебе приветствие пою.

НАМЕТКИ АВТОБИОГРАФИИ

Мое младенчество... Сребристый луч
Коснулся темени:
Рука Всевышнего в грядущем времени
Сквозь навес туч.

Мое отрочество... Пророки-молнии,
В глазах – слеза,
В полевой горечи, сквозь горя польмя –
Моя стезя.

Стремление ярое до выси солнечной –
И боль, и бой.
Творила мир любви по воле кормчего
Вразлад с собой.

Я насыщала глаз тем, что даровано
И в сон, и в явь.
Мир изнывающий, мир очарованный,
Душа, восславь.

Душа, восславь того, кто мил и дорог мне
В земной черте.
А за чертою кто придет в счастливом сне,
В нездешнем сне?..

АВТОПОРТРЕТ

Я – это я.
Лицо круглей луны,
Что по ночам улыбочиво сияет.
Глаза?
Со звездами сравненья не годны,
Уж слишком я для этого земная.
Но для друзей, хочу того иль нет,
Через очки лучатся непременно.

Каков привет, таков и мой ответ.
Добро, как счастье, среди людей нетленно.
А если незаслуженно кольнут
Меня попреком недруги,
И вида
Я не подам.
К чему ответный кнут?
Достойно ль сечь обидчика обидой?
Пусть плохо мне – улыбку не сотру,
Не выдам боль, душевное смятенье.
Глаза слезятся только на ветру.
А в остальном – на зависть настроенье.
Я – это я.
Но если кто-то вдруг
Свои черты найдет в моем портрете,
Я не в претензии:
Широк у жизни круг,
Коль двойники живут на белом свете.

* * *

Отринь от меня, беда-вековуха,
Застынь в берегах, река-говоруха,
Наполненных болями дней.

Сомненья, тревоги, грехи, покаянье –
На жесткой веревке жестокие камни
Вкруг шеи некрепкой моей.

Чьи руки узлы на веревке развяжут?
Кто слово заветное, доброе скажет,
Чтоб эхо запело окрест.

Чтоб камни в песок золотой обратились,
Явила судьба своей узнице милость –
В какой стороне благовест?

* * *

Моя прогулочная палуба –
К стене прилепленный балкон.
Край неба – крылышко в подпалинах,
Сквозные ветры с трех сторон.
Волна придумана. Нет кормчего.
Но грозы, как всегда, – сюрприз.
Держусь за призрачные поручни,
Один день – вверх, другой день – вниз.
Пороги, мели не отмечены.
Стихия. Штиль. Мир под звездой.
И утро мудренее вечности,
Заря – надежды рулевой.

* * *

Я девочкой болезненно-печально,
Отторжено от радостей росла.
Печаль моя, как живопись на скальной,
А память – словно древняя скала.
Плыл черный цвет отчаянья по охре
Растущих лет, сгущаясь до слезы.
Блистало солнце – и слезинки сохли,
Стирались в пыль горючие следы.
Надежды возносились, точно голуби
Бумажные – убористо перо.
Обвалы и заторы, боли проруби.
А мне твердили: жизнь – это добро.
Я чувствовала, верила, надеялась.
Оно во мне – мой слиток золотой –
Крупницами росло. Печаль отсеялась
Сквозь решето, сплетенное судьбой.
А если время шло пустой породой,
Судьба права. Что на нее пенять?
Все то, что предназначено природой, –
Лишь черновик. Мне набело писать.

* * *

Попробуйте пройти по острию ножа:
Улыбка ваша – рана, что свежа.
Капли крови – черный мак,
Распустился чертов знак.

Попробуйте пройти в ваш именитый час
Глаза в глаза с тем, кто не любит вас:
Солнце в небе – дымный диск,
Дрожь – по коже, жар – в груди.

Попробуйте пройти: судьба иль не судьба,
В испарине высокомерность лба.
Без ответа вышла страсть,
Жить на свете иль пропасть.

Попробуйте пройти. Я опыт подарю,
Нож на точиле боли заострю.
Риск иль просто грустный вальс?
Что – для вас?

Попробуйте – чтоб быть.
Попробуйте – чтоб жить.
В измученной душе мак алый прорастить.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Живу, как все, ни хорошо, ни плохо,
Варю для мужа, для себя – пою.
Но как-то раз на огонек эпоха
Вдруг заглянула в комнату мою, –
Раздвинула скукоженные стены,
Взметнула к небу низкий потолок.
Мой стол рабочий превращен в арену
Людских страстей, срывается замок
Со всех запретов: возликуй, свобода

Любви и действий, творческий порыв,
Яви картину мира для народа,
Оставив за холстом последний взрыв,
Реши проблему звездных равновесий,
Природных таинств разгадай игру,
Как подстеречь чудовищное Несси?
Чем залатать озонную дыру?
Как возвратить живую душу рекам,
Чтобы горстями пить из них сейчас?
Где встретиться со снежным человеком,
Чтоб знать, зачем он прячется от нас?
Ищи, дерзай и пробуй, человечность,
На гребне каждой жизненной волны.
Один запрет пусть остается вечным –
Запрет какой бы ни было войны.
Я сопричастна завтрашним надеждам,
Живому ветру, солнечному дню.
Я сотворю жизнь, хотя, как прежде,
Варю для мужа, для себя пою.

* * *

То ли каменщик судьбы,
То ль обманщик, то ль растяпа
Житие мне застолбил,
Словно под сосновой лапой:
Чтобы неба – вполовину,
Солнце с тенью вперемежку.
Перерезал пуповину
Исполнения надежды.
Из обломков – стену жизни
Вывел к дали заоконной.
И случайно над карнизом
Вместо крыши взнес корону.
Только к трону нет крыльца
Мне – царице без венца.

ДАР СЧАСТЛИВЫЙ

Ветер – добрый дух скитальца –
Под луной пустился в путь:
То ему дорога глянцем,
То колдобины по грудь,

То гора, то скрытый омут
Без мостка наперевес.
Тут, бывает, звезды тонут,
Ночью бросившись с небес.

Просверкали и пропали,
Неминуемость конца
В темном небе начертали,
Растревожили сердца,

Мол, молитесь день и ночью
О спасении души, –
Тот счастливый, кто не ропщет
На судьбу, на жизнь в глуши,

Тот счастливый, кто не светит,
Бережет лишь свой покой.
Но перечит звездам ветер:
Коль звезда – живи звездой.

И пока не пали росы,
Не означился восход,
Он утопленниц за космы
На прибрежный дерн кладет.

Наполняет теплым светом
Бездыханные тельца.
О, счастливый дар поэта,
Упоение творца!

Вновь звезды оживший лучик
Светит в скорбное окно,
И бледнеют, тают тучи.
Звезды! Звезды под одно.

* * *

С времен Адама так заведено:
Мужчине – пашню, женщине – очаг.
Сцепляло время за звеном звено,
День завтрашний держало на плечах.

Живилось поле соками весны.
Дышал, как солнце, на ладони хлеб,
Отцов сменяли за сохой сыны,
Род человеческий разрастался, креп.

Крутила пряжа-жизнь веретено,
Связуя общей нитью каждый круг.
Случалось – прело в борозде зерно,
Врагом, случалось, становился друг.

Вверяя женам пашню и очаг,
Мужи вздымали грозные мечи.
И догорала свечка, за пятак
Поставленная на помин души.

Но солнце не меняло путь земной,
Не оставалась пашня без зерна.
Всему была ответной головой
Хранительница рода – мать, жена.

Сегодня мир намного усложнен:
Компьютер выверяет каждый шаг.
Но так же полагаются на жен
Мужчины, доверяя им очаг.

ДОБРАЯ БЕСЕДА

Друг против дружки две старухи,
Как первым снегом мухи,
Чуть словесами шебуршат,
Но говорят и говорят.

О том, как ломит к ночи спину,
Наверно, сглазу в теле «порчь»,
К тому же время стало длинным:
Тянучий день, бессрочна ночь.

О том, что внуков Бог накажет
Сиротской старостью за то,
Что нынче к бабкам глаз не кажут, –
Чего бы проще – сесть в авто.

Погода – к черту не в угоду,
Сидят старухи под окном,
Под жернов дряхлых мельниц воду
Все льют и льют худым ведром –

Намелют гору дней вчерашних.
С горы той молодость опять
Рукой приветливо помашет:
Душа воспрянет – благодать,
Как будто солнышко в апреле.
Ожили мухи, загудели.

ГОЛУБЯТНИК

Матерщинник, выпивоха.
Не исправить – хоть убей.
На балконе, где свет в окнах,
Держит пару голубей,
Чисто-белых, быстрокрылых.

Свистнет – жар воспрянет в жилах,
Станет сердцу веселей,
Как вспорхнут – взовьются рядом,
Закружат, где мир светлей,
Две надежды, две отрады.
Смотрит – слезы из очей.
Да – очей! Уже бескрылых
И для радости остылых,
Но тоскующих по ней.

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Канва, натянутая в пальцах,
И нить, продетая в ушко
Иглы, проворной в тонких пальцах,
Несложный переплет стежков.
Непритязательность узора –
На черном стебле красный мак.
Всего два цвета, из которых
Один – заря, любви маяк,
Цвет счастья и благоуханья,
В нем радость, жизни торжество.
Другой же – вдовый цвет страданья.
Мрак ночи, боль – вот суть его.
Но ведь из мрака день восходит,
Из боли – радости заря.
Восходит при любой погоде.
И вышивальщица не зря
На черный куст бутоны нижет.
Надежно скрыты узелки.
И рвутся маки – радость жизни –
Из-под приветливой руки.

* * *

Говорили мне: живи проще –
Свет любви прописан в небесах,
Ты же по земле идешь на ощупь,
Будто бы с повязкой на глазах.

Горячо! Нет – холодно!.. О, Боже!
Нынче холоднее, чем вчера.
Любит или нет? – мороз по коже.
Ох, уж эта детская игра.

Прочь повязку! – вдруг прикажет смелость.
А в руках не то, чего хотелось.
Говорили...
И сама не знаю.
Руки вновь на ощупь простираю
За пределы доброго совета
В сторону, где мнится проблеск света.

* * *

Поставлю точку после строчки,
В которой трижды про любовь.
На точку мне хватило мочи.
Не прекословь, не прекословь.

Блаженство в споре с постоянством,
Твоя горячая ладонь
Моей щеке – как окаянство.
Не тронь души моей, не тронь.

Воспламенится – ей лишь искру.
Но предпочтительнее – лед:
Закоченеет вспышки высверк,
И все пройдет. Совсем пройдет.

* * *

За домом, где юные сны отцвели,
В черемухе спрятан овраг.
Усердствует память мосточки стелить
К заветным окошкам. А шаг

То легок, то труден, то вовсе незрим
В тумане различных годов.
Родное – теряем, чужое – храним
Под тяжестью давних замков.

Не выпала доля в миру преуспеть,
Вхожу в старый дом, приустав,
А в красном углу, где иконам светлеть,
Распяла себя пустота.

Паду на колени в святой тишине
С покорностью вольной рабы, –
И лик светозарный почудится мне,
В деснице – мой свиток судьбы.

Что прожито, в белой пороше уже, –
Дурманной черемухи след.
А черные ягоды на рубеже
Прошедших и будущих лет.

Успех и утечи – растроченный клад,
Цена ему – с дыркой пятак.
Плоды откровенья под зрелый закат
Осыпятся в вечный овраг.

Листва облетит, от невзгод побурев,
От ложно пылающих чувств.
Смешон или жалок на новой заре
Остывший черемухи куст?

* * *

Ночь обуглилась,
Пепел рассвета
Осыпает стекло
 в перекрестье ночных фонарей.
И ныряют в рассвет моих мыслей кометы –
Бесприютней одна,
 а другая больней и острей.
Что я значу? Кого продолжаю
В мире, цепи кующем
 для воли, для добрых начал?
Рву ли звенья в цепи
 иль собой умножаю?
Кто мою беспокойную душу
 с твоей обвенчал?
Я невольница действий, диктуемых свыше,
Иль сама для себя –
 и судья, и закон, и указ:
Возвожу свой мирок
 под незыблемой крышей,
Где сияют два солнца улыбчивых глаз?
Да, скорей всего так.
 Заходи ко мне греться,
Мой товарищ-собрат по любви, по перу.
Я тебе подарю свое теплое сердце,
А невзгоды твои без раздумий себе заберу.
Ночь обуглилась.
Пепел рассвета
Осыпает стекло
 в перекрестье ночных фонарей.
И ныряют в рассвет моих мыслей кометы –
Холоднее одна,
 а другая теплей и светлей.

ЛИХОЙ ПОРОЙ

Лихой порой
Открою книжку, положу ладонь:
От строчек к сердцу потечет огонь
Любви живой.
Ослабший пульс наполнится, и я
Путь обозначу в тернях бытия
К себе самой.
Преодолею смуту на душе,
Поверю — пусть жизнь прожита уже —
В день золотой.
Почувствую корону вновь на лбу —
И тем дышу, благодарю судьбу
За дар такой.

* * *

Мерцанье тонкой восковой свечи,
Зажженной в ночь до самого рассвета,
Так призрачно, что трудно различить
Вкруг старых стен реальные предметы.
Чуть золотистый сумрак над столом,
Таинственные в полукружьях тени.
И мнится: я владею колдовством
Воспрянуть духом, разорвав сомненья
Всех неудач, проникнуть в мир иной,
Где добрые, возвышенные люди.
Но не включайте люстру надо мной —
Не то растает сладостность иллюзий.
Пускай мерцает огонек в тиши,
Мир полня всепрощающей любовью.
Не потому ли на помин души
Свечу из воска ставят в изголовье.

* * *

Окна распахнуты. Летние ливни
В землю уходят, как в вечность года.
Что-то воспрянет, а что-то погибнет,
Тут не прижившись, уйдет в никуда.
Жемчуг прозрачный, алмазная пыль.
Я подставляю ладони под струи –
Россыпь богатства сквозь пальцы фильтрую,
Все в мире бренно – и небыль, и быть.
Хочешь, придумаю сказку-счастливку
И поселюсь в ней, как дома, сама.
Мой исполнитель желания Сивка –
Бурка-Каурка – палата ума.
Шуткою-шутка. Но вот что мне грезит:
Я – сто царевен, несхожих собой.
Ранняя юность и поздняя зрелость –
Трон под падучей коварной звездой.
Смело царевны свергали друг дружку, –
Каждая лучше ушедшей была, –
Брали в полон мою грешную душу,
Чтоб я в раздоре с душой не жила.
Были царевичи – любо и дорого –
И засылали к царевнам сватов.
Только под брачным узорчатым пологом
Место одно – и для грез, и для снов.
...Ливни стрекочут уже поредело.
Музыку струй заплетаю я в стих.
Время скончалось в недалних пределах,
В летних пределах моих.

4. РАСТИРАЮ СОЛНЕЧНЫЕ КРАСКИ

Из книги
«От любви до разлуки»

НА СВЯТОЧНОЙ НЕДЕЛЕ

Государыня Зима –
Серебром полна сума,
Прямо под ноги проходим
Щедро сыплет в день погожий
И с Рождественской Звездой
Входит славно в мир святой
Да под звон колоколов
Вносит радость в тишь домов.
А на Святочной неделе
Закружились карусели
Шумного веселья,
Праздного безделья –
На салазках мчится сказка,
Скрытая под черной маской.
А возьми, ее сорви –
Вот он, вечный свет любви
Божьего покровя,
Рождества Христова!
Праздник. Радостные Святки.
Величальные колядки:
Славься, свет любви в домах!
Славься, Русь, во всех веках!

* * *

Рождество Христово, славься, славься!
На восходе звезд ночных тогда
В небе в знак немеркнувшего счастья
Воссияла новая звезда.

Воссияло знаменье рождения
Человека-Бога на земле,
И открылась вера во спасение,
Вера в свет, не меркнувший во мгле.

И волхвы – посланники Вселенной,
Знатоки законов неземных –
Отыскали в старом Вифлееме
Свет от Света, Радость для благих.

Иисус-Младенец, Сын Марии,
Дух небесный и земная плоть.
За окном людских страстей горнило.
В колыбели – благодати плод.

Рождество Христово – миру радость.
Истина от неба и любовь.
Благовонье, золото и ладан –
Подношенье Богу от волхвов.

Радости святое толкованье:
Вечность – это слиток золотой,
Святость – это ладана дыханье,
Масло смирны – неземной покой.
Бог-Отец, Бог-Сын и Дух Святой.

Рождество Христово.
Аллилуия!
И наш путь проходит неминуемо
Вверх под Вифлеемскою звездой.

* * *

На вчерашнем моем портрете
Есть сегодняшние черты.
Я теперь на особой планете,
Где накал прежних лет остыл,

И любовь, как дыханье зноя,
Превратилась в косую тень.
На счастливой скамье покоя
Умостился нынешний день.

А на том позабытом портрете –
Взгляд как будто издалека,
Где счастливое солнце светит
И святая правит рука.

Пусть тревожит все то, что было,
Все, что буйствовало, цвело.
По привычке парю однокрыло,
Позабыв про второе крыло,

На котором любые выси
Для меня не преграда, нет, –
Там молитвенник мой Дионисий,
Невечерний струится свет.

* * *

Мне холодно сегодня, очень холодно
И хочется, как птице, под крыло,
Закрыв глаза, поглубже спрятать голову,
Зарыться носом в душное тепло.
Да жаль вот - родилась бескрылой я.
И ты, мой друг, надежда не моя.

* * *

Время сужает сроки.
Время стирает грани.
Милый, зачем упреки?
Сломанный куст герани
Не расцветет повторно
На зоревом окошке.
Грусть, словно призрак в черном,
Приходит незримой стежкой,
Садится в счастливый угол,
Где место святому лику.
Я радость возьму в подруги,
Смех жаркий – печали в пику.
Милый! Зачем загадки
О завтрашнем дне холодном?
Пусть будет сегодня сладко
И радостно принародно.
Пусть будет сегодня праздник.
На празднике – много песен.
От милости прямо к казни –
Полшага всего. Мир тесен.
Пусть будет сегодня праздник.

* * *

От любви до разлуки – всего один шаг.
Путь обратный длиннее. Порою, как вечность.
Но торопятся люди, всем сердцем спешат
К той, желанной, обидой разорванной встрече,
Тянут руки к любви через годы тоски,
Молят счастье вернуться почти отрешенно.
Сроки жизни сжимаются, будто тиски,
А любовь отдаляется неповторенной.

ШУТКА

Разыгралась вьюга, пала мгла,
Лихорадка снега за окошком,
Будто в ад крошечный пролегла
Прямо под моим окном дорожка.

Запутался милый в этой мгле,
Не нашел крыльца в наметах снега
Или на метельной на метле
Улетел звезду достать мне с неба.

А метель, как бестия, хитра –
Звезды все запрятала в карманы.
И сама до самого утра
В темноте целуется с бураном.

Не ищи звезду, хороший мой,
На Восьмое марта для подарка.
Я – твоя звезда! – иль ты слепой? –
Свет мой тихий, нежный, в меру яркий.

23 февраля

* * *

Я, редкостная кокетка,
Смеюсь на бульваре счастья.
Весны удивленной ветка
Развеивает ненастье.

И если обида гложет,
И если душа – лохмотья, –
Кокетничаю... О, Боже!
Комочек земной я плоти.

Ты дал мне великодушно
Два крылышка – два подспорья.
Дорогу осилит идущий.
Крылатый развеет горе.

* * *

Растираю солнечные краски
И малюю собственный портрет.
Проступают из-под старой маски
Легкие штрихи забытых лет.

И опять сиреневая радость
В хрустале с колодезной водой.
На губах – медовая помада,
Поцелуй, как будто и не твой.

Я гляжу восторженно и сладко
На тебя, пришедшего в мой сад.
Мне хотелось вырастить на грядках
Наших встреч особый виноград.

Цвет зари перетечет пусть в гроздья,
Опьянит, расслабит, окружит
Нас напиток, отразивший звезды,
Как по наговору ворожих.

Мы испили из особой чаши
Сладость виноградную до дна,
Ну а горечь всех обид вчерашних
Допиваю я теперь одна.

Время проверяет, вносит ясность,
Почему с горчинкой майский мед.
Растираю солнечные краски –
Без тебя портрет совсем не тот.

НА КОНЦЕРТЕ

Фортепьянная музыка.
Вновь Ференц Лист
Свой привет мне прислал издалёка.
Это ангелов Божиих вокализ,
Крылья солнечного потока.

Все земное –
Замшелые камни на дне,
Бурной речки, пронзающей мысли.
Милосердно сегодня подарено мне
Ощущенье безоблачной выси.

Надо мной развевается вечности стяг.
Свет любви торжествует над тьмью.
Я сегодня как будто у неба в гостях,
Не хочу возвращаться на землю.

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Лель мой Лель! Любовь земная – Лель!
Чудится мне, как в твоих руках
Свиристит волшебная свирель
В заповедных для меня краях.

Там до неба елей терема
И берез веселые светелки.
Там совсем другие времена
С песней соловьиной без умолку.

И тропинка по краям в цветах
Ускользает в мир живых преданий.
Ищут тайный след ее в веках
Все гонцы за стихотворной данью.

Плавит годы времени метель,
Заплетая в вихри незабудки.
На тропе голубоглазый Лель
Со своей зазывно вещей дудкой.

Мир блаженный песен не забыл.
Вот и я пишу, пою на счастье.
Лель мой Лель! Души игривой пыл,
Вечная весна на пике страсти.

* * *

Вот она – скорбная плаха,
Щербатое лоно боли.
Над плахой беспечно птаха
Щебечет о доброй воле.

А человек покорно
Распластывает свою душу –
И небо кажется черным,
И свежее утро душит.

Неотвратимость казни
Без тошнотворной крови, –
О, эти житейские дрызги,
Когда без вины виновен,

Виновен, что оболгали,
Что зорьку в окне украли,
Срубили, сгубили, распяли
День в самом его начале.

Кого-то пытается зависть,
Скребницей по сердцу – корысть,
Кого-то пугает старость,
А в ком-то проснулась совесть.

У каждого – личная плаха.
Палач? – не ищи, найдется.
И станет вороном птаха,
А камнем на шее – солнце.

* * *

То ли явно, то ли снится:
Прилетела голубица
Из неведомых веков,
Будто с белых облаков,
И воркует на закате.
Я в забытом красном платье
У последних у ворот,
Где меня разлука ждет.
В туюське – добра колосья.
Дам я зерен милой гостье,
Отпущу ее опять
В светлых далях полетать.
Будь свободна, голубица.
В небе нет той колесницы,
Что грохочет на земле
И проехала по мне.
Я в том самом красном платье,
Где заплатка на заплате,
На любимом сквозняке, –
Нитка белая в руке, –
И прореха на прорехе –
На беду иль на потеху.
Кто неласковой рукой
Растревожил мой покой?
И в душе теперь иголка –
То ли больно, то ли колко.
Еще несколько стежков,
Еще несколько годков.
С дальней дали голубица
Вновь за мною возвратится.

25-26 марта

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ – 2007

У неба счастливые выси.
У неба веселые дали.
В безбрежности кружат мысли:
В конце – что, а что – в начале?
С неба слетает птица
С солнечной веткой в клюве.
Свет изначальный в светлице,
Где каждого каждый любит.
От Древа Вселенского ветку
Дева к груди прижала,
Как луч от Высокого Света.
Это и есть начало.
А в беспредельности пыльной –
Грозы земные и страсти.
И только святые были
У неба в Державной власти.
С восхода и до заката –
Наших дорог перекрестье.
С восхода и до заката –
Радуга Благовестия.

НЕЖНОСТЬ

Красная роза в хрустальном бокале
На подсиненном стоит покрывале,
В сумрачном свете кажется черной.
Сжатой, холодной и непокорной.
А поутру, когда солнце восстало,
Приникло к устам ее, поцеловало,
Роза раскрылась и солнечной стала.
Вос-гор-же-ство-ва-ла.

9 марта

* * *

«Семь раз отмерь, потом отрежь!» –
Твердила бабушка не раз.
А я решительно, как прежде,
Не смерив, режу все на глаз –
Крою рубаху наугад.
Потом кусаю локти,
Шью на прорехе семь заплат,
Чтоб общий вид не портить.

ОТ ВЕКА К ВЕКУ

Шел не вброд по горяшку –
По макушку,
Кто-то сыпал солюшку
На горбушку
И горчицы не жалел
Для приправы,
Но цветок любви алел
Сквозь отаву,
В сердце вычертился клин
Журавлиный,
Счастье вышло из картин
Из былинных,
Пахарь под уздцы коня
Вывел к свету,
Средь весеннего огня
Стал поэтом,
Шел наперекор беде,
Что случалась.
Я с поэтом в светлый день
Повенчалась.

23 марта

* * *

Сквозь огонь – из ничто.
Сквозь огонь – в никуда.
Озаренная тьма –
жизнь в начале.
А потом – цвет весны.
А потом – холода,
Радость света –
сквозь окна печали.
А потом – все, что настужь,
захлопнуть пора.
Лист опавший –
по центру, по кругу.
На закате любви
утихают ветра,
Завернувшись
в последнюю выюгу.

24 марта 2008 г.

* * *

Ветер мартовский, поцелуй.
Обожги и губы, и душу,
Разморозь ото сна, расколдуй
Самый яркий весенний лучик.

На картине судьбы моей
Пусть растают последние льдины,
Черный грач печали черней
Улетит за рамку картины.

Свет любви под своим крылом
Перелетные прячут птицы.
Ветер, ветер, скати снежный ком
С той горы, где весна тaitся.

* * *

Проходят дни, мелькают даты,
А жизнь, дарами не богатая,
Все норовит нам вилы в бок.
Иль сам дурак? Иль мир жесток? –
Себе вопросы задаем.
А жить-то надо. И – живем.

* * *

Приходи ко мне после дождя,
Когда город пропахнет сиренью.
Уповать — значит искренне ждать,
Наблюдая за солнечной тенью.

А за тенью торопится луч
Проскользнуть в недоверчивость взгляда.
Ты приходишь всегда из-за туч
На пределе мажорного лада.

Начинается новый куплет,
Воскрешая былую напевность,
И сирени в пять звездочек цвет
Украшают мою повседневность.

29 марта 2008 г.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Апрель! Раскрой мне тайну неба:
Под гомон беспокойных птах
Воскресла первой к жизни верба,
И воздух радостью пропах.
Апрель, позволь сломить мне ветку,
Поставить в солнечный кувшин.

В переплетеньях тьмы и света
Всегда есть выбор для души.
Как и тогда, когда с восходом
Иисус входил в Иерусалим.
Весенний свет – как дар природы,
Венец от Бога – солнце-нимб
Дарован Первому из Первых.
И если б я тогда была,
Воскресшую для жизни вербу
Христу на радость поднесла.
О, верба – вера в свет от Неба.
Мир жив не только сущим хлебом.

ВЕЧНОСТЬ

*В старину из веток жасмина
вырезали флейты*

Из полой ветки мальчик-музыкант
Однажды сотворил затейливую флейту.
Меж небом и землей рождается талант –
Цветок от вечности, как и жасмин от лета.

Кусты жасмина – кружевная вязь
Из белых звездочек на изумрудном фоне.
А в кружеве цветов – таинственная связь
Меж миром сущим и потусторонним.

Завянет, облетит душистый цвет,
Уйдет пора земных благоуханий,
Состарится флейтист, оставив белый свет,

Но каждый год в нерукотворном храме
И флейта будет петь в других руках,
И куст жасмина утопать в цветах.

* * *

Влюбиться и сойти с ума – одно и то же.
О, Боже!
Не раз
Мой разум гас.
Кураж сродни полету птицы –
И хочется на землю опуститься,
Да вот незримая рука
Навстречу гонит облака,
И ты витаешь в них,
Пока
Не про-яс-нит-ся.

НАДЕЖДА

Я пустила лодочку свою
Сквозь ветров холодных кутерьму,
Сквозь заторы всех житейских льдов
К острову, где царствует любовь,
Где весенний свет на все века.
И ведет незримая рука
По мостку в три тоненьких дощечки
В дом, где в трех углах на счастье свечи,
А в четвертом – книга жития,
И в последней строчке слово «Я».

* * *

Счастье глупое, – ау!
А серьезное – курьезно.
Выпустит Амур стрелу,
Попадет в стихи иль прозу, –
Виновата тетива,
Натяженье иль отдача.
Закружится голова,
Если выстрелить в удачу,

Растечется дикий мед –
Ах, как весело и бражно.
Ну а коль наоборот:
Не стрела, а змей бумажный
Прошуршит над головой
И зацепится за тучу.
Мир, блаженство и покой –
И безгрешно. И не скучно.
Страсти стихнут без затрат
На восторги и на слезы.
Вот вам солнце и закат,
Вот вам и стихи, и проза.

СВИТОК СУДЬБЫ

И смех, и грех, и боль, и слезы,
И всевозможные курьезы
Нам год прошедший подарил.
Я из последних билась сил,
Держась за крылышко надежды,
Но до сих пор болтаюсь между
Землей и небом. Где же милость,
Чтоб мне и пелось, и любилось
Легко и просто. А пока
Меня суровая рука
Судьбы к земле нещадно гнет.
А мне все грезится полет
В пределы высшей благодати.
Но слышу голос: «С какой стати
Тебе в подарок благодать?
Тебе дан крест. К чему роптать?
Неси, не гнись и не ленись.
Путь к небу радугой не выгнешь,
Через судьбу не перепрыгнешь.
Но как и прежде
Держись за крылышко надежды».

* * *

Погрей меня, солнце, погрей,
Не жги, не пали, а ласкай.
Осталось немножечко дней
До осени.
Близится край
Земного стремления быть
Желанной,
Подкрашивать быт
Веселыми красками,
Пить
Из полного кубка судьбы.
Как жажда теперь ни сильна –
На доньшке пенится хмель.
Сижу на скамейке одна.
Ах, все – канитель, канитель.
Примят у скамейки лужок,
Тропа – от меня, не ко мне.
Призывно курлычет рожок
В нездешней уже тишине.
На краешке летней поры
Весны ощущение острей.
С немислимо дальней горы
Погрей меня, солнце, погрей.

* * *

Не лукавь предо мной. Не лукавь,
Что не знаешь у пропасти края,
Что по грязной воде можно вплавь
Достучаться до берега рая.

Не лукавь пред собой, не лукавь,
Что легко можно в омуте пьяном
Утопить несчастливую явь,
И забвенье всплывет из тумана.

Не лукавь пред судьбой, не лукавь,
Что любовь – беспощадная мука,
Во спасение свечи не ставь.
Беспощадная мука – разлука.

В ГРОЗУ

Лампадка перед образами.
О чем, безумная, молю?
Опять туман перед глазами:
Тебя кляню или люблю?

Что грезится в тумане диком? –
Исчерчен молниями путь,
И тень моя с твоей на дыбе.
Снимите! Есть ли кто-нибудь?

Рвет майский ветер занавески.
На фоне черноты – просвет.
Ты не рисуй штрихами, резко,
Воображая мой портрет.

И не целуй изломы линий.
Мне сладость эта – горький мед.
Тебя раскаянье покинет.
Меня раскаянье найдет.

Тебе пригрезится другая,
И мне пригрезится другой.
Играют молнии, играют.
И дождь – разлучный, проливной.

Ох, эти бешеные ливни.
Меж ними – тишь и благодать.
Что по душе тебе, мой милый? –
Еще есть время выбирать.

* * *

Есть в музее старинная чаша –
Тонкий, звонко поющий фарфор,
Роспись – будто из сказки вчерашней:
Дева с Лунных спускается гор,

Пылкий юноша – стрелы в колчане –
Ей подносит цветок золотой.
Все – в начале, все – только в начале,
Что зовется заветной судьбой.

Эта чаша с пьянящим нектаром
Из сосуда царицы любви.
И желанны волшебные чары,
И стремительны токи в крови.

Так восходит счастливое солнце
Каждым утром в различных веках...
Только звонкий фарфор часто бьется
В неуклюжих и грубых руках.

Сентябрь 2007 г.

* * *

Люди-лебеди. Крылья настезь,
Круг за кругом – к своей мечте,
По-над пропастью,
В дни ненастья
Прорываются к высоте.

Люди-лебеди. Крылья сложат,
Камнем с неба – на страстный зов.
Все по силам и все возможно,
Если солнце для них – любовь.

Октябрь 2007 г.

* * *

Женщина, похожая на осень,
Грустно вслед тебе глядит пытливо.
Дни ее – калины красной гроздья, –
Ты не сделал женщину счастливой.

А морозец, легкий на забавы,
Гроздья целовал, вдыхая сладость.
А тебе казалось, есть отрава
В красоте калинового сада.

Осени пора бывает грозной,
А бывает светлой да игривой.
Солнечны калиновые гроздья –
Будет, будет женщина счастливой.

* * *

На росстани вьюга ведьмачит,
Белые космы – по ветру.
Смеется и плачет. Смеется и плачет.
Кого-то сживает со свету.

Кудрявой метлой замечает следы
И путает стежки-дорожки.
От первой звезды до последней звезды –
Ступенька к ступеньке, порожек.

На росстани я, на разлучном ветру.
Утихнет ли вещая вьюга к утру?

Ноябрь 2007 г.

* * *

Тот прикоснулся к небесам,
Кто песенно восславил Землю.
Разнообразны голоса,
В них вечный спор рассвета с темью.

Вот голос правды с хрипотцой,
Суровый и вчера, и ныне,
Над пропастью ведет слепцов
К прозрению, к солнечной вершине.

Вот голос чести, как труба,
Призывает до самозабвенья.
Кто победил в себе раба,
Тому не ползать на коленях

И не держать медовый ковш,
В котором тают капли яда...
Притворно-сладкозвучна ложь
И громогласна на парадах.

А в тишине, в урочный час,
Когда уходит день нескладный,
Я слышу явно Божий Глас.
Луна на небе, как лампада.

И кажется единым свет,
И наш земной, и запредельный.
И зачинается рассвет
В напевах песни колыбельной.

Ноябрь 2007 г.

* * *

У ромашковой радости солнечный взор.
Как по белому облаку, вышью
На листе незатейливый этот узор,
Пенье птиц перепутаю с тишью.

Мое слово в ромашковой той чистоте
Искушается, солнечным станет,
Обнадежит кого-то в дневной суете
И с ночною звездой не обманет.

Декабрь 2007 г.

* * *

Бледнеют, мелькают даты.
Что было когда-то свято,
Становится пустотой.
Дни, годы — под напряженьем.
Казалось, самосожженье —
Единственный путь земной.

Греховная страсть — костер мой.
Потери как будто стерли
Тот нестерпимый пыл.
Маячит былого отблеск
И воскрешает образ
Того, кто меня любил.

Все было самообманно.
Из водопроводного крана
Не каплет живая кровь.
У самой земной границы
Мне хочется причаститься
И вымолить Божью любовь.

5. ДАЙ ДОТРОНУСЬ ДО ТЕБЯ, УДАЧА!

Из сборника «Свет любви»

* * *

Золотое перо – не мое.
Никогда не слыла я жар-птицей,
А всего лишь – веселой синицей,
Что бесхитростно песни поет,
Когда день начинается новый.
Не гонялись за мной птицеловы,
И не зарилось дурачье.
Мелковата, на вид неказиста,
Не люблю подголосков со свистом,
Славлю вольное птичье житье!
Песнь – желанье мое и веленье.
Пусть как прежде в цене оперенье...
Золотое перо – не мое.

* * *

Дождь.
Шепчется с листвою дождь,
Уставшей под июльским зноем.
Дождь в чем-то на врача похож,
Когда целительной рукою
Тот прикасается ко лбу,
Считает токи на запястье...
Безоговорочно судьбу
Мы подчиняем доброй власти.
Дождь урожайный.
Дождь грибной.
Дождь – утоление долгой жажды,
Мы были счастливы с тобой –
Вот под таким дождем однажды.

Совсем другой – сентябрьский дождь,
Капризно сеет днем и ночью,
И пробирает душу дрожь
Под стоны жести водосточной.
Уже засолены грибы,
В подполье ссыпана картошка,
Затихли звуки молотьбы,
Закрыто накрепко окошко.
Возврата нет в июльский зной,
Когда врачует дождь грибной.

ИВАНОВ ДЕНЬ

Иван-травник – лучезарный лик!
Зажигает он денницу
На ромашковом лугу,
Запрягает в колесницу
Под цветочную дугу
Теплый ветер – и в зенит
Лихо, с посвистом летит.
Иван-травник – спелых дней родник!
Окунуть душою в спелость –
Упоительный восторг,
Обретает крылья тело
Через ярый костерок
Непредвиденных невзгод
Обозначить перелет:
Иван-травник – луговик и лесовик!
Лунной тропкой лесом здешним
В час таинственных высот
Проведи меня неспешно
Там, где папоротник цветет –
Колдовской цветков судьбы.
Ах, сорвать его кабы!

МОЛИТВА

Вскину руки к небу: помоги,
Образумь и обнадежь, восполни
Жизнь, где перечеркнуты круги
Яростными росчерками молний.
Видно, под карающим крестом
Выпало на свет мне появиться.
Припадаю к счастью жадным ртом, –
Может быть, удастся причаститься.
Верю: есть за черною чертой
Хрупкая полосочка просвятыя.
Часики на ленте голубой
Стягивают ждущее запястье.
Сто ударов в шестьдесят секунд –
Ах, как велико мое желанье!
Но часы уж скоро истекут.
Небо немо.
Тягостно молчанье.

* * *

Дай дотронуться до тебя, удача! –
Холодна ты или горяча?
Почему одних ласкаешь алчно,
А других сечешь ты без меча?
И летят надежды, будто с плахи
Головы невинных. Как же так?
Иль один рождается в рубахе,
А другой – поистине голяк?
Почему любовь твоя незряча
И не равнозначна – почему?
Дай дотронуться до тебя, удача,
Может быть, себя чуть-чуть пойму.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ЧЕРНОГО ВОРОНА»

«Ты не вейся, черный ворон»

(Из народной песни)

Снег растет молочной пеной,
Вязнет свет в стерильной мгле.
В чистоте благословенной
Тайна жизни мнится мне.

Тишина. Услышать можно
Шепот вечности мирской.
Что ж ты, ворон, – дрожь по коже, –
Каркаешь над головой?

Дам тебе я хлебных зерен,
Для гнезда – соломы пук,
Не черти крылами, ворон,
Надо мною черный круг,

Не пророчь, шальная птица,
Мертвый день, взახлеб крича, –
Я хочу еще умыться
Из весеннего ручья.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

«Дождик, дождик, пуще!»

Дождь при солнце, счастливый дождь.
Капли-ниточки. Нежность. Звонкость.
Первой страсти святую дрожь
Прячет в сердце своем девчонка.
Колокольчатый жаркий смех –
Рвется тайна ее наружу.

Осужденье – великий грех.
Дождик. Дождик тревожит душу.
Он по солнцу идет, поет,
Из лазури, а не из тучи.
Капли сладкие. Капли – мед.
Что на свете бывает лучше!
В нем беспечность и чистота...
Этот дождик, прозрачно-синий,
Мне припомнился неспроста
В пору долгих осенних ливней.

* * *

Нездешний мой сон:
Два крыла – два огня
Сквозь смех и сквозь стон
Выносят меня
Из нынешних дней
Ближе к юной заре.
О, время! Не вей
Мне венки в декабре
Из майских цветов –
Не к лицу мне они.
Я не из святош,
Я скорее сродни
Веселому ветру,
Скользящим лучам.
Но майского цвету
Не сыпь мне к ногам,
Лишь радости вешней
Преддверье раскрой,
Во сне я безгрешно
Целуюсь с зарей.

6. НА СЕМИ ВЕТРАХ

Из одноименной книги

МОЛИТВА

Боже, Ты дал мне имя.
Боже, Ты дал мне время,
Чтобы имя именем стало
В суровом сегодняшнем дне.

Боже, Ты дал мне силу,
Чтобы мой дух некрепкий
Калился в горниле боли
На жестких ветрах судьбы.

Боже, Ты дал мне веру
В причастность мою ко Вселенной,
Но отнял обычную радость
Ходить, как лететь, по земле.

Боже! Молю! О, Боже,
Восплачь со мною об этом
И даруй святую надежду,
Что мой не напрасен мир.

В любви мое утешенье,
Забвенье и воскрешенье.
Гудят под моим окошком
Колокола зари.

* * *

На семи ветрах –
вечности хоромы.
На семи волнах –
черный струг Харона.
Первый ветер – ал,
безмятежно светел,
А второй – удал,
ищет дружбу с третьим,
Чтоб лететь, смеясь,
на кулички к черту.
Поворотит вспять
их собрат четвертый,
Он горяч, но трезв,
наперед удачлив.
Пятый ветер без
вывихов тем паче.
Но бывает вдруг
ни с чего веселье
Вырвется за круг
легкой карусели, –
Тут вам и шестой,
с радостью разлучник,
Пропоеет стрелой.
Приготовься, мученик,
Улетишь с седьмым
ветром отрешенья.
Жизнь – всего лишь дым,
за любовь отмщение.
Ева и Адам ...
Аз воздам!
А ветра поют
у ворот хоромов.
По волнам несут
черный струг Харона.

* * *

Все мы гости, только гости здесь.
Кто хозяин, воздающий честь
Приглашенным праздновать себя?
На пиру преступник и судья,
Жертва и палач в одном ряду
За столом едят одну еду,
Пьют одно вино, хоть чаши равны,
На любом пиру в почете праздность,

Белый цвет и черный вперемежку.
Драма, фарс, наивные потешки,
Вечных перепевов парафраз.
Каждый пляшет кто во что горазд.
Суета выводит наперед
Не того, кто лучше всех поет, –
Тут привычно бисер мечет лесь.
Все мы гости, только гости здесь.

Доброхоты проявляют знаки,
Но какой же пир честной без драки,
Правый, виноватый – все в одной
Мешанине, не разлить водой.
А хозяин? Где ж его рука?
Пол проломлен, пыль до потолка.
В стороне разумный наблюдатель,
Борзый летописец на подхвате.

Верховодцы-гордецы ликуют,
Правят пиром, миром, дракой всеу.
А в дверях старушка-смерть с косою
Очередных ждет к себе домой.
Горбится прозренья у могил:
Каждый сам себе хозяин был
И творил свой путь к вратам Господним
Иль мостил дорогу в преисподню.

АВГУСТ 96-го

В тот день ветра взбесились,
Качнули неба зонт
И солнце закатилось
Опять за горизонт.
Затмение. Затмение!
Переполох в душе.
Упала на колени я:
О, Господи! Ужель
Трагические повести
Написаны Тобой,
Означены все пропасти
На полосе земной?
Иль воля злого случая
Сильней Твоих щедрот?
А может быть, попутчики
Не те, кто свет несет?!Затмение. Затмение.
Винт годовых кругов
Теряется во времени
Реальности и снов...
Но вот спасенье – лесенка, –
Бледнеет тьмы покров, –
Держусь рукой за песенку
Дворовых воробьев.
Надежная веревочка
– Чирик! Чирик! Чирик!
И снова, снова солнышко
Свой лучезарный лик
В окно мое оставило.
О, Боже! Это Ты
Мне даришь силы заново
С небесной высоты.

* * *

Может, есть в том какой-то резон:
Из-под ног уплывает почва.
Отдаляется горизонт
Упований, и кажется ночью
Ясный день, что с утра еще был
И желанным, и счастье сулящим.
Вдруг все прахом, а ты без крыл
Между прошлым и настоящим,
Между небом и грешной землей.
Беспросветна болтанка такая.
Искусительницей-змеей
Жалит мысль, греху потакая:
Лучше быть под землей, чем над...
Есть у каждого свой Вергилий,
Что низводит кругами в ад,
Душу пытками обессилив.
Все покрыто быльем-травой.
Напоследок творишь Божье слово, –
И вдруг чувствуешь: за спиной
Появляются крылья снова.
Люди – мимо. Но кто-то извне
Протянул тебе добрую руку.
Солнце новое в вышине –
Поводырь по светлому кругу.

* * *

Снова в душе моей
Солнечные качели
Мимо холодных дней,
Мимо зимы твоей,
Где колесят метели.

Ярость воздушных струй –
Нервы оживших струн.
Солнечный взлет воспет,
Не о тебе куплет.

Мой облетевший сад
С первым лучом очнулся.
И через сто преград,
Через глухой снегопад
Певчий скворец вернулся.
Прошлое – грустный взгляд.
Качели летят, летят! –
Мимо холодных дней,
Мимо зимы твоей.

* * *

Лето!
Подари мне улыбку ветра,
Нежный солнечный поцелуй.
Легкомысленная кокетка,
Я в твоей золотой беседке
Растворяюсь опять. Ликуй,
Радость!
Соловей в самой гуще сада
Блики солнечные клюет
И выводит свои рулады,
Виртуозные серенады
Для меня для одной поет.
Лето!
Устели мой путь первоцветом
До последних твоих картин.
Соловей растратит куплеты,
И сама я песней неспетой
Заплетусь в журавлиный клин.

ДИКИЙ МЕД

Жгуч и сладок дикий мед,
В сотах – солнца переливы
С золотых крутых высот,
Где свободно и игриво
Ветер кружит облака
И приносит дождик светлый.
В буйной радости луга
Дышат грудью многоцветной.
Пир пчелиный, гуд хмельной
Над цветами день-деньской.

Испила я дикий мед
Из хрустального бокала, –
Закачался небосвод,
Ветер я поцеловала,
Потеряла на пиру
Притяжение земное.
А душа, как на юру, –
Ни тепла нет, ни покоя.
Вот такой он, дикий мед
Из налитых солнцем сот.

ЭКСПРОМТ

Н.С. Афиногеновой

Шум ветра –
Щемящая музыка лета.
Первые ноты –
Любовный трепет и шепот,
Срывающийся и страстный,
Почти до изнеможенья.
Влюбленной души движенье
К согласью.

И вдруг –
порыв отрешенья
От солнца,
от воли,
от счастья.
Крецендо тоски,
безысходность
Под неподвижным сводом,
Немыслимое глоссандо
В вершинах цветущего сада...
Затишье –
как будто свыше
Дается отдохновенье.
Мгновенье.
Всего мгновенье –
И новый пассаж к возврату
Того, что утеряно было,
Хотя и хранилось свято
И сердцу, как прежде, мило.
Заводит ветер токкату,
Срываясь на вальс сомненья,
Любовный шепот и трепет,
Невразумительный лепет.
И вот оно, утешенье,
Все вечный размер сонета –
Щемящая музыка лета.

ДЕКАБРЬ 96-го

Играют зимние зарницы,
Как будто сквозь седой туман,
По небу ходит царь-девица! –
На ней парчовый сарафан,
Блестает золотом корона,

Распущен долу алый шлейф.
Морозный воздух с тихим звоном
Клубится, стелется за ней.
Летят серебряные блески
Из кружевного рукава –
И на земле, промерзлой, жесткой,
Парчой покрылись деревья,
В холодной дреме никнут нежно,
Наряд хорош, да вот печаль:
Уже декабрь, совсем бесснежный,
Где шуба с Божьего плеча?

ДУМА ПОД ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебром с холодного неба
Я наполню сундук! – Богачка.
Жизнь ценю за суровый слепок
С вечных промыслов, за удачи
На развилках пути земного.
Первой быть – горячо желанье.
В час лихой у чужого крова
Не просить, не ждать подаянья...
Невелики мои успехи
Золотые возвращать зерна.
Под разлив недоброго смеха
Снова крутится чертов жернов.
Много ль стоит моя победа,
Дорога ли моя заслуга,
Если пыль клубами по следу
И надежного нету друга?
Улыбаясь, шучу нелепо,
Чтоб чужую развеять жалость.
Серебро с холодного неба –
Вот и все, что мне тут досталось.

7. РАДОСТЬ, МЕНЯ НЕ ПОКИНЫ!

Из книги «На берегу Белой»

* * *

Опустел наш радушный дом:
Увезли нынче маму в больницу,
И повеяло сквозняком,
От которого не укрыться.

Мама, мамочка! Что с тобой?
Неужель твои годы бунтуют?
Семь десятков, из них любой –
Ростом в жизнь, ой-ой непростую.

Жизнь – как чаша весов: беда –
На одной, на другой – живучесть.
Утекла живая вода,
Отвздохав, под камень горячий.

Мама, мамочка! Подожди!
Принесу тебе той водицы.
Вновь идут по земле дожди,
Ручеёк вот-вот возродится.

* * *

Не грусти, моё окно,
Что сегодня так темно,
Потеряли звёзды стёжку,
Заплутались в темноте.
Месяц высветлил окошки,
Но совсем не те, не те, –
В них и так всё ясно, просто,
Там не знают буден постных,
Пьют, едят и любят всласть,
Там своя над светом власть.

Не грусти, моё окно,
Что уже давным-давно
Ходят мимо лишь чужие,
А свои – суди их Бог –
Иль боятся, иль забыли,
Как ступить на мой порог,
Где беда и шьёт, и вяжет
Мне наряд из грубой пряжи,
Нынче – этот, завтра – тот,
Трудится который год.

Не грусти, моё окно,
Нам с тобою всё одно:
Сто соблазнов – сто запретов.
Сто желаний – сто преград,
В дни затмений – жажда света,
Ожидание наград
За бессрочное терпенье,
А в итоге утешенье:
Будь довольна тем, что есть,
Мир в окно не втиснешь весь.

Не грусти, моё окно.
Видишь: плещется вино,
Кровь Христа в сосуде вечном –
Ярость муки, жаль утрат.
И поблёскивают свечи,
Отражая звездопад.
Сколько звёзд уже упало,
За чертой земли пропало.
Что ж, нальём за упокой,
За короткий путь земной,
За любовь, за то, что живы.

Из всей мочи тянем жилы,
Чтоб сверкнуть хотя бы искрой
Над путиной жизни быстрой.

Не грусти, моё окно,
Нам другое не дано.

МОЙ САД

Черёмуховый сад,
Прими меня в себя,
В твой рай, в твой белый ад,
Спасая и губя.
Кружение весны –
Воскресшая любовь,
До первой зорьки сны
И опасений новь:
Ужели мой рассвет
И короток, и тих,
Как нежный первоцвет,
Завянет, отлетит?
Сердитый майский гром
Над садом вдруг прошёл,
Как будто топором
Расхряпал каждый ствол.
Метель цветов в саду –
Смятение души.
Я в прошлый день уйду,
А ты меня ищи,
Чтоб возвратить назад
И радость, и покой,
Прийти в счастливый сад
Нам будущей весной.

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

На заре взмывает в небо птица –
Белый голубь, легких два крыла,
Новый день из-за горы курится,
Предваряя добрые дела.
Белый голубь – радости предвестник
Кружит, забирая высь крылом.
Написать бы мне о счастье песню
Голубиным тоненьким пером,
Слог весёлый, ясные созвучья
Слить в одно – пой, осветляй лицо.
Белый голубь, пробивая тучи,
На моё опустится крыльцо.
Он рассвет со мною вместе встретит,
О, надежда, всё, чем мы живём,
Даже если к нам в окошко метит
Молния, рождающая гром.

ПОЖЕЛАНИЕ САМОЙ СЕБЕ

Не отрекайся от ветра холодного,
Не отрекайся от солнца горячего,
Не отрекайся от гостя голодного,
Не отрекайся от друга незрячего.
Нынче и завтра – горячие головы.
Мысли бредовые – адово эхо.
Хочется петь – в горле плавится олово,
И не до песен уже, не до смеха.
Дверь – на крючок. На крючок – и желание.
Час отречения – опустошение.
Не отрекайся... коль даже ужалили
В самое сердце. В прощенье – спасение.

СОНЕТ ЛУНЕ

Волшебница небесного простора,
Раздвинув занавес ветвей,
Окинула туманным взором
Мой стол и стену, а на ней –
Портрет давнишний, на котором
Я в пору юности своей
Улыбчиво гляжу на гору
Лет предстоящих и быстрей
Хочу взобраться на вершину,
Где правят мудрость и любовь.
Да вот карабкаюсь поныне.
Взойдя на пик, срываюсь вновь.
Когда в душе нет больше сил,
Луна мне дарит юный пыл.

* * *

Месяц высветил рога
И поплыл на легких веслах
К неизвестным берегам
И меня позвал.
Как просто
Оторваться от себя,
От привычного уклада
И лететь, звездой светясь,
В запредельность звездопада.
Чей-то вздох:
«Смотри, во мгле
Скоро звездочка увянет,
И кому-то на земле
Одиноко очень станет».

* * *

Искатель вечной истины, поверь:
День завтрашний в заклеенном конверте.
Средь жизненных находок и потерь
Одна лишь истинна дорога – к смерти.
Все остальное ложь, игра страстей
По правилам жестокости, бесчестья,
И побеждает тот, кто всех сильнее
В желанье отгеснить иль править мстью.
Я – слабенький росточек от зерна,
Уроненного сверху в твердь земную,
Ветрами всех мастей иссечена,
А все еще расту и протестую.
От капельки любовного дождя
Цвету опять дурманно и ничтожно.
Мне золотой весны уже не ждать,
А осень очень на конец похожа,
Однако же конверт... Хранит печать,
Предначертанье взлета и паденья,
Шаг в пустоту, а может, в благодать.
И то, и это – все приемлю.

* * *

Прости меня, мой хороший,
Коль можешь... прости!
Я – золотая пороша
Из зимней горсти...

Мне нравится колким смехом
Тревожить твой сон.
Откликнись встревоженным эхом
Со всех четырех сторон.

Осыплю тебя дарами
Ядреных морозных зорь.
Твой вензель возьму в орнамент
Безгрешных причуд. Не спорь!

С собою не спорь! Поверь мне:
Скоро загладит спор
Время... мудрое время –
Посланник с нездешних гор.

* * *

Давай поговорим с тобой, Апрель!
О чем еще? Конечно, о погоде.
Голубоглазым ты слывешь в народе,
В твоих руках волшебная свирель.
Сыграй мне песню. Душу отогрей.
Зима сегодня выдалась суровой.
Ушла любовь, не проронив ни слова,
И зябко мне средь скучных январей.
Они ко мне приходят, как на бал,
В неоспоримо чистых белых фраках,
В застегнутых под горлышко рубахах.
Сплошной сугроб. В нем новый день застрял.
Пусть выведет на свет его свирель,
Расчистит там, где было непролазно.
А мой любимый, знаешь ли, Апрель,
Он, как и ты, чужак голубоглазый.
Но вот свирели нет в его руках.
А путь ко мне в немыслимых снегах.

* * *

На карте жизненной моей
Кто начертал земные версты?
К любви верста всего длинней
Через беду, через погосты
На голубой счастливый остров
В потоке сумасшедших дней.
Вино любви я пью наперстком
Среди изысканных гостей.
На пир и званых, и незваных
К самой Венере. Но звезда
Меняет путь свой, как всегда.
Пир утихает. Как ни странно,
Иду назад, к себе самой,
Богачка с нищенской сумой.

* * *

Я – птичка-певичка на майском кусту
Закатного цвета,
Чирикаю радостно в пустоту
На кромке рассвета,
Дневную презрев суету.
Я жду золотистого жаркого лета,
Невянку к поющему рту,
Хотя бы с обложки сонета,
Хочу поднести. Пусть дурман-аромат
Мне голову кружит и тешит надежду.
Земля. Свод небесный. Я – между.
Стихия фантазий – мой сад.
В нем – ты, мой придуманный друг,
Как солнце с ладони доверчивых рук.

* * *

Средь лугов отцветающих след свой ищу.
Не сужу обманувших я и не ропщу
На неверность своих, на коварство чужих.
Отцвело мое лето в глазах голубых.
Не о том я сегодня жалею, грущу.
Соловей – небывалых рассветов вещун –
Отсвистал и отщелкал затейливый стих,
До весенних соблазнов, как умер, затих.
От его звонких песен я шла наугад
На счастливый зенит, а пришла на закат
В том венке, что наивно сплетала заря,
Незабудки вкрапляя в ромашковый зной.
Позавяли цветы. Не поспорить с судьбой,
Не сложить первоцвет у ворот сентября.

* * *

Босиком по росяной траве –
Там, в отрочестве.
Беспокойный ветер в голове.
И хохочется.
Распластаться на цветах крестом –
Небо прямишно.
А как сядет солнце за бугром,
Как оглянешься:
Ни росы, ни четкого следа,
Поле жухлое.
Я бежала, иль мои года
В травы рухнули?

* * *

Аромат диких роз
На холодном ветру истекает.
Мысли снова вразброс:
И со мною такое бывает.
Налетит стылый ветер, развеет покой,
Если солнце закрыто твоею рукой.

ЛЕТНИЙ ЭТЮД

Конь пасётся. Фетровые губы
Тянутся к нетоптанной траве.
До чего же сердцу нынче люблю
На коня глядеть!
А чуть правей
Через луг летит-пылит дорога,
Мчат машины – фейерверк погонь,
Спешка. Скорость.
А в низинке лога
Конь пасётся. Шелкогривый конь.
Не спеша идёт по травам сочным.
Распахнул июль цветную ширь.
Чёрные, как смоль, конёвы очи
Дружелюбно озирают мир.
Конь в согласье с нашим бурным веком,
Где он предостаточно потел:
Как-никак, а вывез человека
Он к машинам на своём хребте,
Шёл в оглоблях, воз тянул прилежно,
Под седлом, коль надо, гарцевал.
Вывести б коня из трав безбрежных
Прямо под уздцы на пьедестал...
Щиплет травы конь неторопливо, –
Что ему всех почестей венец?!
Ветерок расчёсывает гриву,
И звенит сквозь годы бубенец.

В БОЛЬНИЦЕ

Луна – осколком зеркальца.
А вдруг все переменится,
И на больничном полотне
Другие сны приснятся мне.
Весенний радостный поток
И солнца вешнего глоток.
Потом еще, еще, еще –
И я легко сотру со щек
Слезу вчерашних дней суровых,
И под моим небесным сводом
Все снова будет хорошо.
Исчезнет ощущение ада,
Что напророчила судьба,
И я в тени земного сада
Найду счастливую себя.
Луна – осколком зеркальца.
И мне наивно верится:
В нем отражение мое,
Грядущих весен бытие.
Мороз на зеркальцедохнул,
Все пеленою затащил,
И на земле снега, снега,
Я средь сугробов залегла,
И холодна моя берлога.
То ль наказание от Бога,
То ль испытание пока.
Ночь. Беспросветность. До утра
Не доплестись. Так будет лучше.
И лишь на кончике пера
Надежда на весенний лучик.

* * *

Вновь скудная зима –
Преображение света.
Земля голым гола –
Ни ласки, ни привета.
Распята тишина
На перекрестье судеб,
Морозная волна,
Обветренные губы,
Осмеянная боль,
Отвергнутая нежность...
Зима у нас с тобой –
Суровое бесснежье.

* * *

Заневестилаась осинка –
На плечах горит косынка –
Словно изумрудная.
На весеннем бревнышке
Заиграло солнышко
В гусли самогудные.

И по правилам старинным
Начинаются смотрины:
Ах, какая лапушка.
Стройная, пригожая,
С тихой песней схожая! –
Знай девчонок нашенских.

А в соседнем чистом поле
Услыхала злая доля
Песни величальные,
Обернулась вороном,
Раскатала в стороны
Кольца обручальные.

Одинокая судьбина,
Горемычная осина –
Молодость загублена.
Русская сторонушка,
Горе – так до доньшка,
Счастье – чуть пригублено.

Отгорело бабье лето.
На судьбу свою не сетуй.
Ой, пора остудная.
На осеннем бревнышке
Отыграло солнышко
В гусли самогудные.

* * *

Не уходи за горизонт рассвета,
Где прячется недобрый зимний день.
Любви моей продутая карета
Еще скрипит по переулкам лета,
Отбрасывая призрачную тень.

Слова прощанья затаи на завтра.
А наше завтра будет или нет.
Судьба, что конь, коварный и азартный,
Она не знает путеводной карты.
Несет туда, где стерт счастливый след.

Отцеловались утренние зори,
И мне тебя уже не целовать.
Отпели птицы на моем заборе,
Но я еще пою себе на горе,
А может, и на радость... Как тут знать?

* * *

Ах, этот март, дразнящий солнцем
И обещанием тепла.
Зимы наскучившая сонность
Уже растаяла. Светла
Рассветов даль. И ветер вешний
Целует пальчики ветвей.
И мы распахиваем спешно
Сердца, как шубы. У дверей
Священных праздников лелеем
Надежду на прорыв к теплу.
А март вдруг холодом повеет,
Метель посадит на метлу,
Как ведьму. Небушко – с заплатку,
И ветер – будто пес цепной...
Наш путь земной – мосточек шаткий
Между зимою и весной.

МАЙ

Свечи черёмухи – белое зарево.
Небо – святая святынь.
А по-над цветом – соловушки парами.
Радость, меня не покинь.

Время придёт – станут ягоды чёрными,
Солнце растает в руках.
Не разглядеть за небесными шторами
Птиц, что купались в лучах.

И на обочине счастья отцветшего
Семя уронит польнь.
В час одиночества завтрашним вечером,
Радость, меня не покинь.

* * *

Соловей-соловушка щелк да щелк
На заре серебряной утренней,
Обломилась веточка хрупкая,
Соловей-соловушка вдруг замолк.

Позавяли листики, и росой
Не полощет мой дружок горлышко.
Высока весны моей горушка,
Поросли тропинки к ней муравой.

Средь еще не хоженных мной дорог
Потерялось жаркое солнышко.
Только соловьиное перышко
Пало легкой памяткой на порог.

Время, как река подо льдом течет.
Ледокол взорвет тишь апрельскую.
Унесут беду воды Бельские,
Под окном соловушка запоет.

* * *

Умолкли громогласные дрозды
Среди деревьев, остались лишь чирики
И на исходе утренней звезды
Клюют, как зёрна, солнечные блики.

Ужедохнула осень холодком
Под крылышки неугомонных пташек,
Они не променяют отчий дом
На те края, где солнце ярче, краше.

Птенцы уже освоили простор,
Им ветер птичьих странствий свет не застит.
Мне по душе их суматошный хор,
В две кратких ноты песенка о счастье.

* * *

Из тёмной ночи белых птиц зову,
Крошу на чистый лист слова-приманку.
Себе я утешительно солгу,
А этим птицам – душу наизнанку.

Себя я оправдаю и прощю
За дерзкий шаг по скользкому настилу.
А этих птиц признаньем угощу,
Что на пустое часто трачу силы,

Что очень часто путаю ключи,
Чтоб отомкнуть замок в мир обретений.
И кружат надо мной тогда в ночи
Не птицы белокрылые, а тени.

Чем накормить их? В сердце пустота,
А в строчках боль, отчаянье и ропот
На тяжесть Богом данного креста.
На то, что каменисты к небу тропы.

Я расчищаю путь себе, любя,
Быть может, не того, кто может сбыться.
Немилостива Госпожа Судьба,
В неволе у неё томятся птицы.

Те, с белыми крылами. И мой зов
Теряется в ночных переплетеньях,
И наказаньем кажется любовь,
А муки слова – от неё спасеньем.

На черном фоне – то мой путь земной,
Рисую яркой краской небылицы,
И тут взлетают, кружат надо мной,
Пророчат свет таинственные птицы.

* * *

Котёнку снилось, что он – РЫСЬ,
Лесная чаща – дом привычный,
И на охоту: «Берегись!» –
Идёт он по лесу, мурлыча.
Спружинив ноги для броска,
Подкарауливает жертву.
Прыжков стремительных каскад
Наперекор судьбе и ветру.
Он – очень ловкий, грозный зверь!
Дрожите, Зайцы и Лисицы!
Пускай попробует теперь
Полкан оскалиться, озлиться.
Котёнку снилось, что он – РЫСЬ.
Сны окрыляют, как ни странно.
Вдруг кто-то крикнул громко: «Брысь!»
И кот, стремглав, слетел с дивана.

СТИХИ О СЛОМЛЕННОЙ ВЕТКЕ

Февральское солнце примяло снега,
Очистило окна от стужи.
На ветках берез не горят жемчуга,
Растаяли. Кто о них тужит?
Проклюнутся почки в апрельскую рань,
Очнется природа от спячки.
Лишь сломленной ветке, засохшей от ран,
Уже не очистить болячки.
Уже не шуметь на весеннем ветру
И птиц не качать то и дело.
...Я слезы тихонько ладонью утру,
К чему я о ветке?.. Ведь дерево цело.

НА СРЕТЕНЬЕ

Игорю Калугину

Февральский день еще хранит покой,
Хотя снега пронизаны лучами,
По-сретенски, с ядерной хрипотцой
Прозрачный воздух свеж и беспечален,

И я хочу, укутавшись в покой,
Уйти в нездешний мир, не хлопнув дверью
Всех прошлых невезений. Мой герой
Помашет шляпой, не поняв потери.

Быть может, мне навстречу выйдет Тот,
Кто голубю с голубкой дарит небо.
Мой одинокий над собой полет
Покажется смешным и чуть нелепым.

Ношу в себе самой земную твердь,
Но к небу взгляд летит непроизвольно.
Там – голуби... Мне радостно смотреть
И в то же время очень-очень больно.

Пусть мой герой со шляпою в руках
Останется стоять на перекрестье.
Коль выпадет мне быть на небесах,
Я возвращусь к нему счастливой песней.

* * *

Из гнезда птенца до срока
Манит высота,
Синеока и глубока.
Первая мечта –
Испытать на верность крылья
И кругами – в высь,
Где свободы изобилье,

Словом, чудо – жизнь:
Где захочешь – там летаешь!
Глупенький птенец.
Ты пока ещё не знаешь, –
Есть всему конец.
В поднебесье ястреб кружит –
Ох, не попадись!
По земле же, вскинув ружья,
Бродят, целят ввысь
Браконьеры.
Так-то, милый...
А птенец – ничуть,
Взвился в небо легкокрыло.
Что ж, счастливый путь!

О СОБАКЕ

«Помани меня! Полюби!» –
Ах, какая тоска в глазах.
«Не бросай меня, не губи
В этих гулких больших дворах!»
К небу грудятся этажи.
«Хочешь – буду я у дверей
Твой покой всегда сторожить?
Приласкай меня, пожалей!»

Пёс – дворняжка, но без двора.
Без ошейника. Без цепи.
Есть у волка своя нора.
А вот пёс под забором спит.
Разломила ему батон –
Но не ест. Ах, горе моё,
Ходит ищет хозяина он.
Одному-то что за житьё?

От пинков только боль и страх
И глухая обида в глазах.

ДЕРЗОСТЬ

Громада туч почти коснулась крыш,
Нависла над вершинами деревьев.
Зловещая предгрозовая тишь
Вползает через запертые двери.
Заполнив всё, подобралась ко мне,
Как молотом, стучит по перепонкам.
Вдруг воробьишка в тёмной тишине
Проголосил настойчиво и громко,
Перелетая от куста к кусту,
(Откуда только в этой крохе дерзость!)
Горласто он чирикал в пустоту
И разрушал её окаменелость.
Очнувшись будто, вся громада туч
Чуть покачнулась и заголубела.
А воробьишка, в дерзости могуч,
Выделявал коленца оголтело.
Он словно вызов бросил небесам
И утверждал своё существованье...
Вот этой дерзости так не хватает нам,
Когда вдруг что-то омрачит сознание.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА VI ЗАЙЧИК СОЛНЕЧНЫЙ НА ЛАДОНИ

Из цикла «Времена года»

ВРЕМЕНА ГОДА. Вступление	297
1. БЕРЕЗКА В МАЙСКОЙ РУБАШОНКЕ	
«Зима еще натягивает вожжи...»	298
МАРТОВСКАЯ СКАЗКА	298
ВЕСНА	299
«Капель! Капель! Хрустальной чистоты...»	300
УТРЕННИЙ ЭТЮД	300
МАРТ	301
«Март щурит солнечно глаза...»	301
«Вот уже и половина марта...»	302
«Не стерт малахитовый глянец...»	302
МАРТОВСКИЙ ЭТЮД	303
«Время перелистывает святцы...»	303
ВЕСЕННЯЯ КАДРИЛЬ	304
«Еще тревожны заячьи следы...»	305
«Зайчик солнечный на ладони...»	305
«Березка в майской рубашонке...»	306
ДЕНЬ ТРОИЦЫ СЯТОЙ	306
2. ВЫШЛО ЛЕТОЧКО ПО КРУГУ	
Я ВИЖУ СТЕПЬ	307
ТОПОЛИНЫЙ ПУХ	308
«Ветер июньский, шалый...»	308
БЕЛОРЕЦКОЕ ЛЕТО	309
«Разнотравье. Разноцветье...»	311
«Небо тяготится бесконечностью...»	311
ПОЛЕВОЙ БУКЕТ	312
ЗНОЙ	312
АВГУСТ	313
«В малахитовой акварели...»	313
БЕЛЫЕ РОСЫ	314
«Закралась желтизна уже в листву...»	314
«Мне хочется собраться и уехать...»	315
«Плачет август тихими слезами...»	315

НОВЫЙ СОНЕТ	316
«Я будто бы дворяночка из лета...»	317

3. ОСЕННЕЕ ВРЕМЯ ПОХОЖЕ НА СОН

«Бесконечность дождевых полос...»	317
ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ	318
ВРЕМЯ ЗАТИШЬЯ ЗЕМНОГО	319
РЫЖАЯ ЛИСА	319
«Ты не рвись, как ветер в осень...»	320
«Сентябрь мой желтый...»	320
ЗНАК ПРИРОДЫ	321
«Незванная осень шарфом из заката...»	322
«Пламя осени стихло...»	323
«Цветут закаты – добрая примета...»	324
ЭТЮД	325
«Луга осенние печальные...»	325
«Осень на задворках...»	326
ЭЛЕГИЯ	327
«Уходит мой поезд в последнюю осень...»	328
ОКТЯБРЬ	328
«Ноябрь подкрался, будто серый волк...»	329
НА ХОЛОДНЫХ ВЕТРАХ	329
ОСЕНЬ ВРЕМЕНИ ПЕРЕСТРОЙКИ	330

4. ТЫ ВПУСТИ МЕНЯ, ЗИМА, В БЕРЕНДЕЕВЫ ХОРОМЫ

Первый снег – это свет ниоткуда...»	331
ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ 08 г.	331
ПО КРУГУ	332
ЭТЮД	332
ИНЕЙ	333
ЗИМНЯЯ СКАЗКА	334
«Декабрьское утро в осколках звезд...»	334
«Аукаю солнышко в дебрях зимы...»	335
«Зимний лес – владенья Берендея...»	336
ПЕРЕПРАВА	336
«Ты впусти меня, зима...»	337
ЗИМНЯЯ ШУТКА	338
ПОД НОВЫЙ ГОД	338

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК	339
«В день Рождества мне хочется начать...»	340
ЯНВАРСКАЯ МЕТЕЛИЦА	340
«Снег, будто колкий смех...»	341
ЯНВАРСКИЕ ПРИЧУДЫ	342
ФЕВРАЛЬ	343
«На прощанье матушка-зима...»	344

ГЛАВА VII КОГДА ЦВЕТУТ КУПАВКИ

Из цикла «Луговые цветы»

СТАРИЧОК-ЛЕСОВИЧОК	347
ХМЕЛЬ	348
МАТЬ-И-МАЧЕХА	348
«Сон-трава от майской ночи...»	349
МЕДУНИЦА	350
ЛАНДЫШ	350
ШАПОЧКА – СДУНЬ ПЛЕШКА	351
БОГОРОДСКАЯ ТРАВА	352
«Иван-да-марья в лугах некошенных...»	353
«На Руси испокон клали низкий поклон...»	353
КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ	354
КУВШИНКИ	354
НА УСПЕНЬЕ	355
«По кособору Иван-чай...»	356
ПЛАКУН-ТРАВА	357
ЕГОРЬЕВО КОПЬЕ	358
КОГДА ЦВЕТУТ КУПАВКИ	359
«Подорожник в своих ладонях...»	360
ЭТЮД	361
«Заплети мне венок из ромашек...»	361
ВАСИЛЬКИ В СЕНТЯБРЕ	362

ГЛАВА VIII

Сонеты

ВО СЛАВУ БОЖИЮ (Венок сонетов)	365
НЕЗАВЕРШЕННЫЙ КРУГ (Венок сонетов)	374

ГЛАВА IX НЕ ОТРЕКАЙСЯ ОТ ВЕТРА ХОЛОДНОГО

Стихи из книг

1. ОТСМЕЯЛОСЬ СОЛНЦЕ ДЛЯ МЕНЯ ЛУЧИСТО

(Из книги «Радуга»)

МАМЕ	385
МОЙ БРАТ	385
«Людские судьбы, как дороги...»	386
ФАНТАЗИЯ	387
ВЕРА	388
«В букет из розовых пионов...»	388
«Дороги вы мои, дороги!..»	389
«Стирает вечер улиц очертанья...»	390
«Ах, эти запоздалые цветы...»	390
«Ночь закружилась осторожной птицей...»	390
«Наши судьбы параллельны...»	391
«Наша поздняя встреча...»	391
«Выстрел влет. Птица, вздрогнув крылом...»	392
«Отсмеялось солнце для меня лучисто...»	392
«Я не надменна, я горда...»	392
«Говорят, будто зимнее солнце не греет...»	393
«Родниковая свежесть осеннего утра...»	393
ВЕСНА КРУГЛЫЙ ГОД	394
«Любовь к тебе пришла надеждой...»	394
«Звонок междугородний...»	395
В ЗООПАРКЕ	395
ЧИСТЫЙ ЛИСТ	396
БАЛЛАДА О СКУЛЬПТОРЕ	396

2. Я ПУЩУ СВОЕ КОЛЕЧКО...

(Из книги «Живу любовью»)

СВЯТКИ	399
СОТВОРЕНИЕ	400
ВОСХОЖДЕНИЕ	401
«Я пушу свое колечко по юдоли вековечной...»	402
«Я доверяю. В ответ мне – обман...»	403
НАСТРОЕНИЕ	403
«Где фантастика? Где реальность?...»	404

«Барыня-сударыня!..»	405
«Ах, рыцари! – Серебряные латы...»	406
МОЛОДИЦА	406
«Нам дано с младенчества...»	407
ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ	408
«Я тебя приручаю, я тебя приручаю...»	408
ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ	409
«Кого любить, чего бояться...»	409
ПОЭТУ	410
ПОД ВЕЧЕР	410
«Ворвись в мою келью посланцем апреля...»	411
«Угорела! Угорела!..»	411
«Я не предаю любви, не бойся...»	411
«На песке – счастливый дом...»	412

3. ...А РЯДОМ ПРИМОСТИЛАСЬ ВЕЧНОСТЬ

(Из книги «Солнышко под вечер»)

«Окно открою – воздух свеж...»	412
СПИРАЛЬ	413
«Я полагаю: мир царит в лесу...»	414
НИЩИЕ	415
«Сидят на лавочке у дома...»	416
ДВОЕ	417
ОБРАЩЕНИЕ К ЗАРАТУСТРЕ	417
НАМЕТКИ АВТОБИОГРАФИИ	419
АВТОПОРТРЕТ	419
«Отринь от меня, беда-вековуха...»	420
«Моя прогулочная палуба...»	421
«Я девочкой болезненно-печально...»	421
«Попробуйте пройти по острию ножа...»	422
СОПРИЧАСТНОСТЬ	422
«То ли каменщик судьбы...»	423
ДАР СЧАСТЛИВЫЙ	424
«С времен Адама так заведено...»	425
ДОБРАЯ БЕСЕДА	426
ГОЛУБЯТНИК	426
ВЫШИВАЛЬЩИЦА	427
БРАТЬЯ	428

«Говорили мне: живи проще...»	429
«Поставлю точку после строчки...»	429
«За домом, где юные сны отцвели...»	430
«Ночь обуглилась, пепел рассвета...»	431
ЛИХОЙ ПОРОЙ	432
«Мерцанье тонкой восковой свечи...»	432
«Окна распахнуты. Летние ливни...»	433
ТИШИНА	434
«Белый лист, как детское лицо...»	434
«Твой взгляд опять меня влечет...»	434

4. РАСТИРАЮ СОЛНЕЧНЫЕ КРАСКИ

(Из книги «От любви до разлуки»)

НА СВЯТОЧНОЙ НЕДЕЛЕ	435
«Рождество Христово, славься, славься!..»	436
«На вчерашнем моем портрете...»	437
«Мне холодно сегодня, очень холодно...»	437
«Время сужает сроки...»	438
«От любви до разлуки – всего один шаг...»	438
ШУТКА	439
«Я, редкостная кокетка...»	439
«Растираю солнечные краски...»	440
НА КОНЦЕРТЕ	441
ВЕЧНАЯ ВЕСНА	441
«Вот она – скорбная плаха...»	442
«То ли явно, то ли снится...»	443
БЛАГОВЕЩЕНИЕ–2007	444
НЕЖНОСТЬ	444
«Семь раз отмерь, потом отрежь!..»	445
ОТ ВЕКА К ВЕКУ	445
«Сквозь огонь – из ничто...»	446
«Ветер мартовский, поцелуй...»	446
«Проходят дни, мелькают даты...»	447
«Приходи ко мне после дождя...»	447
ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	447
ВЕЧНОСТЬ	448
«Влюбиться и сойти с ума – одно и то же...»	449
НАДЕЖДА	449
«Счастье глупое, – ах!..»	449

СВИТОК СУДЬБЫ	450
«Погрей меня, солнце, погрей...»	451
«Не лукавь предо мной. Не лукавь...»	451
В ГРОЗУ	452
«Есть в музее старинная чаша...»	453
«Люди-лебеди. Крылья настужь...»	453
«Женщина, похожая на осень...»	454
«На росстани выюга ведьмачит...»	454
«Тот прикоснулся к небесам...»	455
«У ромашковой радости солнечный взор...»	456
«Бледнеют, мелькают даты...»	456

5. ДАЙ ДОТРОНУСЬ ДО ТЕБЯ, УДАЧА!

(Из сборника «Свет любви»)

«Золотое перо – не мое...»	457
«Дождь. Шепчется с листвою дождь...»	457
ИВАНОВ ДЕНЬ	458
МОЛИТВА	459
«Дай дотронусь до тебя, удача!..»	459
ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ЧЕРНОГО ВОРОНА»	460
СЛЕПОЙ ДОЖДЬ	460
«Нездешний мой сон...»	461

6. НА СЕМИ ВЕТРАХ

(Из одноименной книги)

МОЛИТВА	462
«На семи ветрах вечности хоромы...»	463
«Все мы гости, только гости здесь...»	464
АВГУСТ 96-го	465
«Может, есть в том какой-то резон...»	466
«Снова в душе моей...»	466
«Лето! Подари мне улыбку ветра...»	467
ДИКИЙ МЕД	468
ЭКСПРОМТ	468
ДЕКАБРЬ 96-го	469
ДУМА ПОД ПЕРВЫЙ СНЕГ	470

7. РАДОСТЬ, МЕНЯ НЕ ПОКИНЬ!

(Из книги «На берегу Белой»)

«Опустел наш радушный дом...»	471
«Не грусти, моё окно...»	471
МОЙ САД	473
БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ	474
ПОЖЕЛАНИЕ САМОЙ СЕБЕ	474
СОNET ЛУНЕ	475
«Месяц высветил рога...»	475
«Искатель вечной истины, поверь...»	476
«Прости меня, мой хороший...»	476
«Давай поговорим с тобой, Апрель!..»	477
«На карте жизненной моей...»	478
«Я – птичка-певичка на майском кусту...»	478
«Средь лугов отцветающих след свой ищу...»	479
«Босиком по росяной траве...»	479
«Аромат диких роз...»	480
ЛЕТНИЙ ЭТЮД	480
В БОЛЬНИЦЕ	481
«Вновь скудная зима...»	482
«Заневестилась осинка...»	482
«Не уходи за горизонт рассвета...»	483
«Ах, этот март, дразнящий солнцем...»	484
МАЙ	484
«Соловей-соловушка щелк да щелк...»	485
«Умолкли громогласные дрозды...»	485
«Из тёмной ночи белых птиц зову...»	486
«Котёнку снилось, что он – РЫСЬ...»	487
СТИХИ О СЛОМЛЕННОЙ ВЕТКЕ	487
НА СРЕТЕНЬЕ	488
«Из гнезда птенца до срока...»	488
О СОБАКЕ	489
ДЕРЗОСТЬ	490

«Нельзя жить с опущенными крыльями.
Крылья должны быть расправлены.
Любой человек должен если не летать,
то хотя бы иногда отрываться от
грешной земли».

Нина ЗИМИНА

*По моей молитве утром
Бог распахивает двери
В день надежды, светлой веры,
Что мой мир устроен мудро,
Что душа моя, как птица,
Реет там, где света много.
Там и радости сторицей –
Это дар святой от Бога.*

